

Международное высшее образование

ВЫПУСК

90

Лето

2017

Международные
проблемы

Кризисные ситуации
в Центральной Европе и России

В фокусе — Африка:
Эфиопия и Уганда

Проблемы
Латинской Америки

Страны
и регионы

Русскоязычная версия информационного бюллетеня
International Higher Education (Бостонский колледж, США)

CINE

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром профессор Ханс де Вит, известный специалист и исследователь международного уровня в области интернационализации высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор

и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 46 исследовательских центров и 28 международных лабораторий, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№90 / Лето 2017

Международные проблемы

- 6** Тенденции мобильности американских студентов в глобальном контексте
Раджика Бхандари
- 8** Международная студенческая мобильность в Китае
Хан Гао, Ханс де Вит
- 10** Можно ли говорить, что международные студенты — дойные коровы?
Рахул Чоудаха
- 11** Международные филиалы вузов: курьезное явление или важная тенденция?
Ричард Гаррет
- 13** Мобильность в XXI веке: роль международных преподавателей
Филип Альтбах, Мария Юдкевич
- 15** Переосмысление глобального взаимодействия
Марейк ван дер Венде
- 17** США, Европа, Азия: многообразие аффилиаций нобелевских лауреатов
Элизабет Мария Шлагбергер, Лутц Борнманн, Йохан Бауэр
- 19** Высшее образование, здоровье студентов и проблема ожирения в развивающихся странах
Катрина Тейлор

Кризисные ситуации в Центральной Европе и России

- 20** Реквием по мечте: академическая свобода в демократических режимах под угрозой
Даниела Крачун, Георгиана Михут
- 22** Украина: повальная коррупция в сфере высшего образования
Елена Денисова-Шмидт, Ярослав Прытула

В фокусе — Африка: Эфиопия и Уганда

- 24** Качество высшего образования в Эфиопии: замкнутый круг
Айеначеу Асэффа Волдегийоргис
- 25** Частное высшее образование в Эфиопии: особенности развития и структуры
Вондвосэн Тамрат, Дэниел Леви
- 27** Уганда: необходимость модернизации высшего образования
Мукуанасон А. Хьюха

Проблемы Латинской Америки

- 29** Проблемы разработки нового рейтинга на примере Колумбии
Фелипе Монтес, Давид Фореро, Рикардо Салас, Роберто Сарама
- 31** Частное высшее образование в Бразилии как двигатель экономического роста
Жозе Жангие Безерра, Селсу Нискиер, Людмила Батурина

Страны и регионы

- 33** Регионализация высшего образования в Восточной Азии
Эдвард Чой
- 35** Китай: мировой лидер по низкому уровню отсева в вузах
Юлиан Мариулас
- 37** Политика и университеты в постреволюционном Иране
Саид Голкар

Тенденции мобильности американских студентов в глобальном контексте

Раджика Бхандари

Раджика Бхандари — заместитель вице-президента по исследованиям и экспертизе Института международного образования (ИЕ), Нью-Йорк, США. E-mail: rbhandari@iie.org.

Спрос на американское высшее образование среди международных студентов всегда стабильно рос, и сейчас в США учится почти миллион студентов более чем из 200 стран. В последние годы рост этого спроса был во многом обусловлен притоком китайских студентов, что вызвало изменение странового баланса среди иностранных студентов бакалавриата и магистратуры американских вузов. Еще одним существенным фактором роста стало распространение крупномасштабных национальных стипендиальных программ в странах, правительства которых отправляют студентов в США для интенсивного изучения английского языка или для обучения в области естественных наук, технологий, инженерного дела и математики (STEM) без получения диплома о высшем образовании. В целом спрос на образование в STEM-областях по-прежнему высок, и большинство международных студентов, обучающихся в США на бакалаврских и магистерских программах, выбирают программы именно по этим направлениям, и, кроме того, многие остаются на программу «Дополнительное практическое обучение» (Optional Practical Training), по которой они имеют право пребывать в стране в течение еще 29 месяцев после получения диплома. В этой статье мы поговорим о ключевых моментах, которые влияют на студенческую мобильность в США и мире.

Национальные стипендиальные программы: рост или падение?

Национальные стипендиальные программы разных стран продолжают стимулировать рост студенческой мобильности, однако встает вопрос о перспективности инвестиций в международное образование и обмены. Многие американские вузы попали в зависимость от денег студентов из Саудовской Аравии и Бразилии, и, если эти страны начнут экспериментировать со своими стипендиальными программами, то расширяя их, то снова уменьшая, это может привести к появлению вакуума. Перед сектором высшего образования в США встанет вопрос о том, как поддерживать налаженные благодаря зарубежным стипендиальным программам связи и как вести приемную кампанию в условиях сокращения численности студентов из Бразилии и Саудовской Аравии.

Национальные стипендиальные программы разных стран продолжают стимулировать рост студенческой мобильности, однако встает вопрос о перспективности инвестиций в международное образование и обмены.

А для стран, которые отправляют студентов за границу и в которых уже много получивших образование в США специалистов, остается актуальным вопрос о том, как местный рынок воспримет получившие зарубежное образование таланты, а также вопрос о долгосрочном эффекте таких значительных инвестиций.

Глобальная студенческая мобильность: некоторые проблемы

Гендерный дисбаланс. Хотя численность женщин, участвующих в программах студенческой мобильности, постоянно увеличивается во всем мире, отправляющие и принимающие страны должны прилагать больше усилий для борьбы с гендерным дисбалансом в международном образовании, особенно в определенных дисциплинах. В целом за последние три десятилетия количество девушек и юношей, приезжающих на учебу в США, практически уравнилось, но в последние два года снова наблюдается разрыв в доле соотношении. Вероятно, это связано с увеличением численности студентов из стран, в которых мужчины занимают господствующее положение, а обучение женщин за границей не поощряется. Этот разрыв также можно связать с приростом студентов в области естественных наук, технологий, инженерного дела и математики, которые традиционно считались «мужскими». Правительства и вузы стран, отправляющих наибольшее число студентов в США, должны делать больше для того, чтобы стимулировать обучение женщин за границей путем их участия в стипендиальных программах и программах обмена. А американские вузы, особенно предлагающие программы в области естественных наук, технологий, инженерного дела и математики и привлекающие много иностранцев, должны озаботиться тем, чтобы сделать эти программы более привлекательными для иностранных студентов.

Вынужденное перемещение лиц. Начиная с 2015 года в мире наблюдается беспрецедентно масштабное для нашего поколения вынужденное переселение людей,

и те, кто покидает родные дома, испытывают трудности с подготовкой к поступлению в вузы и доступностью высшего образования. По данным Института международного образования, только среди сирийских беженцев насчитывается более 100 000 студентов и 2000 преподавателей университетов, чья привычная жизнь и карьера прервались на неопределенный срок. По данным ООН, в 2015 году в мире было 21,3 млн беженцев, половина из них моложе 18 лет, то есть люди, которые могли бы продолжить образование. Однако 1% беженцев в возрасте 18-25 лет учится в вузах, хотя в среднем по миру этот показатель составляет 34%. Высокая стоимость обучения, транспортные расходы, отсутствие документов, удостоверяющих личность, и документов об образовании, непризнание полученных ранее документов об образовании в новой стране, языковой барьер, необходимость работать и выполнять домашние обязанности, дискриминация в новом обществе, трудности с получением информации — все это ограничивает доступ к образованию. Несмотря на финансовую поддержку и иные усилия для помощи студентам-беженцам, а также использование новых технологий, нужды этих людей не удовлетворены и вряд ли будут удовлетворены в ближайшее время.

Равный и справедливый доступ. Принятые в 2015 году Цели устойчивого развития ООН привлекли внимание к проблеме равного и справедливого доступа к высшему образованию, в том числе международному, и наличия у всех студентов возможности получить международный опыт. Государственные стипендиальные программы и частные стипендиальные фонды, например Фонд Форда или фонд «МастерКард», нередко нацелены на помощь студентам из социально уязвимых групп населения в развивающихся странах. Исследования показывают, что подобные узконаправленные меры оказывают большое влияние на повышение доступности международного высшего образования и могут вызывать феномен многократного увеличения влияния на сообщества и страны. Еще одна проблема — это проблема утечки мозгов и потери высококвалифицированного человеческого капитала. Хотя во многих уголках мира, откуда молодежь массово уезжает за границу (например, в Азию), усиливается «циркуляция умов», то есть многие люди, получившие образование за рубежом, возвращаются на родину, Африка продолжает терять человеческий капитал через участие молодежи в программах студенческой мобильности. В связи с этим встает вопрос об ответственности и обязанностях международного образовательного сообщества и международного бизнеса в деле уравнивания потребностей развивающихся стран, которым критически важно удерживать свой человеческий капитал, и потребностей людей, которые хотят просто получить хорошее образование вне зависимости от того, где это можно сделать. Эта проблема отчасти решается распределением стипендий в рамках программ помощи развитию, которые правительства развитых стран выделяют для студентов из развивающихся стран, что

отслеживается в рамках пункта 4.b Целей устойчивого развития ООН. Но последнее исследование Института международного образования о доступности стипендий в разных странах мира показывает, что их на самом деле немного и что воспользоваться ими может лишь 1% заинтересованного в международном образовании населения развивающегося мира.

Смена политического климата и будущее мобильности

Одно из наиболее ярких явлений последних лет — это распространение национализма по всему миру и, как следствие, разворот многих традиционно привлекательных для студентов и ученых стран спиной к остальному миру. Первым примером тому стал произошедший в 2016 году так называемый брекзит, который, очевидно, чреват масштабными последствиями для входящей и исходящей мобильности в Великобритании, а также для мобильности между Великобританией и континентальной Европой. Схожие политические сдвиги происходят и в США, где в январе и марте 2017 года был наложен запрет на въезд граждан семи иностранных государств, что, безусловно, ставит под большой вопрос привлекательность США для иностранных студентов в будущем.

Несмотря на многочисленные домыслы и обсуждения этого решения и его последствий с точки зрения студенческой мобильности в США, результаты проведенного недавно исследования показывают, что в 39% из 250 американских вузов, принявших в нем участие, количество абитуриентов из-за границы уже сократилось, особенно количество абитуриентов с Ближнего Востока. Также снизилось количество заявок от граждан Индии и Китая на обучение на программах бакалавриата и магистратуры. Стоит отметить, что, хотя это исследование (проведенное Американской ассоциацией секретарей вузов и руководителей приемных комиссий (AACRAO) совместно с Институтом международного образования, некоммерческой организацией College Board, Международной образовательной ассоциацией NAFSA и Национальной ассоциацией советников приемных комиссий (NACAC)) дает такую нужную в период нестабильности информацию, это всего лишь краткое статистическое представление, основанное на результатах исследования небольшой выборки откликнувшихся на опрос вузов.

Важно то, что последние события в США мобилизовали международное образовательное сообщество, включая вузы и ассоциации, на разработку совместных стратегий и информационно-просветительской работы по продвижению ценности международного образования. Вузы США запустили слаженную кампанию #YouAreWelcomeHere (#ВамЗдесьРады), призванную подчеркнуть, что в США по-прежнему рады международным студентам, и ряд других подобных инициатив.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9756>

Международная студенческая мобильность в Китае

Хан Гао, Ханс де Вит

Хан Гао — аспирант факультета наук об образовании Beijing Normal University (Китай); стажер-исследователь Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США). E-mail: gaohang@mail.bnu.edu.cn.

Ханс де Вит — профессор, директор центра. E-mail: dewitj@bc.edu.

В условиях глобальной экономики знаний конкуренция будет основана на возможности доступа к талантам. Очевидно, что страны всего мира стремятся к повышению качества национальных систем высшего образования и хотят стать более привлекательными для талантливых зарубежных студентов. Как крупнейшая развивающаяся страна и один из основных игроков мировой экономики, Китай должен реформировать ключевые аспекты своей системы образования и повысить качество услуг, предлагаемых иностранным студентам, для того чтобы повысить свою культурную значимость и укрепить международные позиции. Китай поставил перед собой задачу к концу текущего десятилетия ежегодно привлекать до 500 000 иностранных студентов и очень быстро движется к своей цели, уже обойдя Австралию, Францию и Германию, став третьей по привлекательности страной для международных студентов после США и Великобритании. С учетом нынешнего политического климата в Великобритании и США шансы Китая стать основным мировым игроком на этом рынке выглядят лучше, чем еще несколько лет назад. Привлечь как можно больше международных студентов и сделать так, чтобы они дольше оставались в стране по окончании учебы — это политическая стратегия, которая теперь реализуется не только на национальном уровне, но и на уровне основных городов, провинций и даже университетов. Но, чтобы прикладываемые усилия оказались эффективными в долгосрочной перспективе, Китаю необходимо улучшить качество высшего образования и предоставляемых студентам дополнительных услуг.

В чем плюсы для Китая?

Историческое, политическое и культурное наследие страны, а также текущий геополитический контекст сыграли огромную роль в формировании современной системы высшего образования Китая. Все эти внешние и внутренние факторы оказали значительное влияние на идущую подготовку системы к приему большого количества международных студентов.

С экономической точки зрения можно ожидать, что Китай существенно выиграет от увеличения числа международных студентов благодаря тому, что они будут оплачивать обучение, транспорт и расходы на проживание. Увеличение срока пребывания иностранцев в стране после окончания обучения и политика, направленная на возвращение на родину китайцев, получивших образование за рубежом, помогут стране быстрее перейти к экономике знаний. Опыт таких стран, как Австралия, Великобритания и США, показывает, что международные студенты могут внести огромный вклад в развитие экономики принимающей страны.

С культурной точки зрения владеющие китайским языком иностранные студенты будут лучше понимать страну и смогут транслировать ценности ее традиционной культуры и экономики за рубеж, становясь, таким образом, ключевым связующим звеном между Китаем и остальным миром. Это позволит китайскому языку, культуре и академической традиции войти на международную арену и будет способствовать экспансии китайской культуры как мягкой силы.

С политической точки зрения привлечение иностранных студентов поддержит процесс выхода Китая с глобальной периферии в более центральное положение. Развитие двухстороннего и многостороннего сотрудничества в области высшего образования и привлечение талантов из развивающихся стран поможет укреплению отношений между Китаем и другими развивающимися странами так называемого глобального Юга.

С образовательной точки зрения повышение числа международных студентов, оптимизация условий их пребывания и стимулирование их взаимодействия с местными студентами — важные шаги в деле улучшения уровня интернационализации и качества национальной системы высшего образования, а также обеспечения китайских студентов возможностью получить опыт интернационализации в собственной стране.

Что необходимо сделать?

С начала текущего тысячелетия привлечение международных студентов стало для Китая одним из приоритетов. Как мы уже упоминали, Китай стал третьей в мире страной по количеству иностранных студентов. В 2015 году в Китае обучалось 398 000 иностранцев из 208 стран, а в 2016 году более 400 000. Что же нужно сделать, чтобы текущая стратегия развития стала успешной и эффективной в долгосрочной перспективе?

Китаю необходимо укреплять программы межправительственных обменов и сотрудничества. За последние несколько лет уже было разработано несколько программных документов в этой области, включая принятый в 2010 году Национальный среднесрочный и долгосрочный план развития и реформирования

образования на 2010–2020 годы и принятые в 2016 году документы «Предложения по повышению открытости и реформированию образования» и «Поддержка реализации образовательного элемента стратегии “Один пояс — один путь”». Стоит также упомянуть такие межправительственные проекты, как проекты Ассоциации университетов Шелкового пути, которые стимулируют сотрудничество в области высшего образования с развитыми и развивающимися странами через систему двусторонних соглашений.

Также важно предоставлять иностранным студентам финансовую поддержку в виде стипендий. В частности, для того, чтобы помочь студентам из развивающихся стран, Китай запустил ряд крупных разноуровневых стипендиальных программ с привлекательными условиями, в том числе программ центрального и местных правительств, сети Институтов Конфуция, отдельных университетов и многосторонних инициатив. В 2014 году стипендии получали не менее 37 000 иностранных студентов.

Развитие программ по обучению китайскому языку – еще один ключ к успеху. Язык — одна из основных проблем для иностранных студентов. Уровень владения китайским напрямую влияет на качество проведенного ими в стране периода, а китайские студенты оказываются лишены возможности научиться чему-то от иностранцев, если между ними языковой барьер. Правительство Китая уже начало принимать определенные меры для повышения уровня владения китайским среди иностранных студентов. Был разработан языковой тест под названием HSK, который должен помочь изучающим китайский иностранцам и повысить количество иностранных студентов в китайских вузах.

Другая сторона вопроса — это популяризация китайского языка на международном уровне и содействие в его изучении. По официальной статистике, в 140 странах и регионах мира сейчас действует 511 Институтов Конфуция и 1073 Класса Конфуция. В 2016 году в них работало в общей сложности 46 000 преподавателей (китайских и иностранных, на условиях полной или частичной занятости) и обучалось 2,1 млн человек, а в культурных мероприятиях этой организации приняло участие более 13 млн человек. Университеты Китая также начали предлагать плохо владеющим китайским иностранным студентам одно- или двухгодичные подготовительные программы. Эффективность этой стратегии с точки зрения привлечения иностранных студентов и ее скоординированность с другими реализуемыми мерами еще предстоит оценить.

Новые вызовы

Несмотря на стремительный рост численности приехавших в Китай в последние годы иностранных студентов, страна может принять еще больше иностранцев, так как их доля от общего числа студентов по-прежнему невысока. Китай только начал работать

над привлечением иностранных студентов, но действий, предпринимаемых на национальном, локальном и институциональном уровнях, по-прежнему недостаточно. Нужно решить еще ряд проблем.

Учебные планы очень ограничены и не отвечают потребностям иностранных студентов. Учитывая то, что более половины приезжающих иностранцев проводят в Китае лишь небольшой период времени и не планируют получать китайский диплом, необходимо разрабатывать курсы и на других языках, в первую очередь на английском.

Еще одна проблема — это критерии, регулирующие стоимость образования. Тот факт, что национальное правительство обладает эксклюзивными правами на установление этих критериев, ставит вузы перед дилеммой. Некоторые из них стремятся увеличить количество иностранных студентов и готовы ради этого развивать сервисы и качество образования. Однако в существующих жестких рамках ценообразования они не могут инвестировать достаточно средств в развитие качества предлагаемых иностранцам услуг.

Многие университеты до недавнего времени не трогались на такие вещи, как перевод официального веб-сайта на иностранные языки, развитие библиотек, внеучебная деятельность или психологическая служба. Из соображений безопасности, а также во избежание конфликтов китайские вузы обычно селят иностранцев в более хорошие условия, чем местных студентов. Но это сокращает возможности ежедневного общения и не способствует улучшению взаимопонимания между ними. Предстоит еще долгий путь, прежде чем в китайских вузах сложится действительно мультикультурная атмосфера.

Иностранные студенты, особенно из развивающихся стран, рады любой возможности получить работу в Китае или пройти стажировку. Однако в результате недружелюбной визовой, иммиграционной и кадровой политики таких возможностей мало, если не брать в расчет несколько специализированных программ, действующих в наиболее развитых регионах страны, например в Пекине, Шанхае и Гуандуне.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9865>

Можно ли говорить, что международные студенты — дойные коровы?

Рахул Чоудаха

Рахул Чоудаха — сооснователь и исполнительный директор DrEducation и interEDGE.org. E-mail: rahul@DrEducation.com.

Сокращение бюджетного финансирования заставило многие американские вузы искать альтернативные источники дохода для поддержания финансовой устойчивости. В поисках решения многие стали рассматривать привлечение международных студентов как новый источник денег, позволяющий покрывать текущие расходы и сокращать бюджетный дефицит.

В период с 2007/2008 по 2015/2016 учебный год количество иностранных студентов, приезжающих в США, возросло на 67% и достигло 1 043 839 человек. А экономическая прибыль от их присутствия увеличилась за тот же период на 111% и достигла 32,8 млрд долларов США. Это четко показывает, что финансовый эффект от иностранных студентов вырос непропорционально их числу.

В помощь компаниям, размышляющим о проблеме распределения ресурсов, Бостонская консалтинговая группа (BCG) в 1960-х годах разработала определенные принципы. В этом документе они использовали такой термин, как «дойные коровы». В широком смысле он означает продукт или компанию, которые обеспечивают стабильный приток денежных средств для финансирования собственного роста и роста других структурных подразделений компании.

Свидетельствуют ли тенденции последних лет о том, что часть американских вузов относится к международным студентам как к дойным коровам? Не получается ли, что они увеличивают количество международных студентов, но при этом не выделяют время, внимание и ресурсы на то, чтобы помочь им успешно завершить обучение?

Привлечение новых групп абитуриентов

Резкие бюджетные сокращения и появление возможности залатать образовавшиеся финансовые дыры за счет денег от иностранных студентов способствовали приходу новых игроков на рынок рекрутинга. В последнее десятилетие многие вузы решили сосредоточиться на увеличении общей выручки путем увеличения количества иностранных студентов и взимания с них дополнительных сервисных сборов.

Сокращение бюджетного финансирования заставило многие американские вузы искать альтернативные источники дохода для поддержания финансовой устойчивости.

Однако многие вузы поняли, что расширение приема — не такое простое дело, особенно если бренд вуза не является международно узнаваемым, он не занимает места в значимых для студентов рейтингах либо расположен в не самом географически привлекательном месте. Кроме того, вузы также осознали, что хорошо подготовленные и финансово обеспеченные для того, что учиться за границей, студенты на самом деле имеют много возможностей для выбора, что делает этот рыночный сегмент высококонкурентным.

С учетом того, что многие вузы не смогли увеличить объем финансовой поддержки талантливых студентов, они стали понимать важность создания условий для студентов, которые, возможно, не очень хорошо подготовлены, но у которых есть финансовая возможность посвятить некоторое время подготовке к учебе в США.

Низкий уровень подготовки может относиться к знанию английского языка или других предметов. Важным инструментом языковой подготовки иностранных студентов к поступлению стали интенсивные программы по английскому языку (IEP). За период с 2007 по 2015 год количество иностранцев, обучающихся на таких программах, увеличилось на 145% и достигло 133 335 человек.

По мере роста популярности этих программ стали появляться сторонние частные провайдеры, предлагающие дополнительную подготовку и дающие возможность получить образовательные кредиты не только по языку, но и по другим предметам. Деятельность этих провайдеров также позволяет привлечь дополнительные средства для рекрутинга иностранных студентов и развития сопровождающих услуг.

Отвечая на постоянно меняющуюся ситуацию, NAFSA — ассоциация специалистов в области международного образования — поручила мне возглавить исследование, посвященное сотрудничеству американских вузов со сторонними образовательными организациями. Опрос показал, что основным мотивом к сотрудничеству со сторонними организациями является получение вузом доступа к новым каналам привлечения иностранных студентов. А основная

причина, по которой вузы не хотят сотрудничать с такими организациями, — опасение снизить академические стандарты.

Однако опасения снижения академических стандартов оказываются менее весомыми, чем угроза финансовой стабильности многих вузов. Экосистема внеуниверситетских частных провайдеров, помогающих вузам увеличивать количество иностранных студентов, получает все большую поддержку. В связи с этим встает вопрос баланса между инвестициями в рекрутинг и увеличение получаемых за обучение средств и развитием инициатив, помогающих студентам успешно завершать обучение. Готовы ли вузы поддерживать студентов, приезжающих с разными ожиданиями и различным уровнем подготовки?

Вузы должны оказывать студентам больше поддержки

Авторы доклада Integrating International Students, выпущенного Американским советом по образованию, отмечают, что «несмотря на наращивание усилий по привлечению международных студентов адекватного расширения сервисов для таких студентов не наблюдается». Опыт последних десяти лет показывает, что многие вузы не готовы уделять внимание вопросам поддержки иностранных студентов.

Во многих вузах сервисы для иностранных студентов ограничены помощью в оформлении виз и соблюдением иммиграционных требований. Показательно, что для многих иностранных студентов ключевым вопросом при выборе вуза являются ожидания помощи в развитии карьеры, а для вузов это стоит на последнем месте. Продолжая повышать стоимость обучения для иностранцев, но не вкладываясь при этом в то, чтобы помочь им достичь успеха, некоторые вузы скатываются к тому, что относятся к ним как к дойным коровам.

Американское высшее образование имеет высокую репутацию среди международных студентов. Вузы, которые думают только о прибыли и не вкладываются в развитие условий для поддержки иностранных студентов во время их пребывания в кампусе, не только вредят репутации американского высшего образования в целом, но и просто идут по неразумному в долгосрочной перспективе пути развития.

Для выстраивания устойчивой и инклюзивной модели приема и интеграции иностранных студентов в местное университетское сообщество вузы должны вкладываться в подготовку сотрудников к эффективному взаимодействию со студентами разных культур. Они должны понимать все многообразие потребностей студентов и постоянно работать над тем, чтобы студенты были довольны полученным за время обучения опытом и собственно результатами обучения.

Запрашивать дополнительные ресурсы в условиях снижения финансирования нереалистично. Что сейчас необходимо – так это инновационный подход для

пересмотра и обновления стратегий, которые вузы используют для сервисной поддержки, направленной на обеспечение успешности студентов. В моей статье Three Waves of International Student Mobility 1999-2020 я писал, что вузы вступают в период гиперконкуренции за международных студентов, причем соревноваться будут не только традиционно популярные у иностранных студентов страны, но и новые игроки на этом рынке, например Китай. Это потребует от вузов более творчески подойти к распределению ресурсов и развитию сервисов, направленных на то, чтобы студенты были более успешными.

Подводя итог, хочется сказать, что несмотря на то, что многие вузы продолжают испытывать финансовые проблемы, подход к международным студентам как к дойным коровам неэтичен и негативно влияет на заработанную тяжелым трудом репутацию американского высшего образования. Вузы должны выбрать баланс между привлечением новых студентов и инвестициями в то, чтобы они были довольны результатами обучения и полученным за время обучения опытом.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9927>

Международные филиалы вузов: курьезное явление или важная тенденция?

Ричард Гаррет

Ричард Гаррет — директор аналитического центра Observatory on Borderless Higher Education (OBHE). E-mail: richard.garrett@i-graduate.org.

Исследователи из OBHE и группы C-BERT (Университет штата Нью-Йорк в Олбани и Университет штата Пенсильвания) подготовили совместный доклад о международных филиалах вузов. Первая его часть уже доступна членам OBHE, остальные могут ее приобрести.

Международные филиалы вузов (МФВ) выделились в самостоятельный элемент разрабатываемых вузами и странами стратегий интернационализации. В 2000-е годы, когда появилась и стала набирать популярность идея таких филиалов — особенно на Ближнем Востоке и в Азии, — о них много говорили в контексте привлечения международных студентов, получения прибыли, ведения исследований и использования брендов известных вузов. Некоторые попытки открыть МФВ были провальными, и это подробно описано в литературе, а другие, наоборот, оказались крайне

успешными. В настоящее время в мире насчитывается 249 международных филиалов по сравнению с 66 в 2011 году. Кроме того, к открытию готовится еще примерно 20 МФВ.

Примеры таких вузов — филиалы Ноттингемского университета в Малайзии и Китае, филиал Технологического института Джорджии во Франции, филиал Королевского технологического института Мельбурна во Вьетнаме и филиал филиппинского Международного университета АМА в Бахрейне.

Настоящих МФВ по-прежнему не так уж много, но они продолжают регулярно появляться. Если учитывать МФВ, которые уже закрылись или изменили свой статус, а задокументировано 42 таких случая, то можно говорить о том, что в мире был создан 291 МФВ.

Международные филиалы вузов (МФВ) выделились в самостоятельный элемент разрабатываемых вузами и странами стратегий интернационализации.

Международный филиал вуза: что это такое?

В нашем докладе, опубликованном в ноябре 2016 года, МФВ определяется как «организация, которая по крайней мере частично принадлежит зарубежному поставщику образовательных услуг; функционирует от имени зарубежного поставщика образовательных услуг; реализует преимущественно очную учебную программу, диплом по результатам обучения на которой выдает зарубежный поставщик образовательных услуг».

Собрать данные о МФВ непросто из-за отсутствия государственных или негосударственных организаций, которые бы отслеживали деятельность таких вузов. Некоторые страны ведут систематический сбор информации о международной деятельности своих вузов. Были попытки собрать данные по каждому МФВ через их сайты, онлайн-статьи и пресс-релизы или путем электронной переписки с их руководством. Однако не все вузы обладали достаточной информацией или готовы были ею делиться, а некоторые представили неполные данные. Если бы в открытом доступе была вся необходимая информация, это сыграло бы на руку всем, кто заинтересован в развитии МФВ. Данные о МФВ, которые нам удалось собрать к настоящему моменту, являются наиболее всеобъемлющими по этой теме.

В полной версии первой части нашего доклада содержится полный список всех уже работающих МФВ, а также готовящихся к открытию, включающий такие данные, как год основания вуза, уровень и тематика предлагаемых образовательных программ, количество студентов. Еще мы проанализировали типологию и существующие модели контроля качества МФВ и причины, по которым правительства заинтересованы в открытии в своих странах международных филиалов вузов.

Где расположены МФВ? Сколько студентов в них учится?

По оценкам исследователей из ОВНЕ и группы C-BERT, на конец 2015 года в перечисленных в нашем докладе МФВ обучалось в общей сложности около 180 000 студентов. В абсолютных цифрах это довольно много, но в относительных это менее 4% от 5 млн иностранных студентов, обучающихся в других странах, и лишь толика от общемировой численности студентов, которая составляет более 150 млн человек. В некоторых странах, например в ОАЭ, на МФВ приходится существенная доля студентов, но в большинстве стран это по-прежнему второстепенные игроки.

Говоря о МФВ, мы насчитали 33 страны, вузы которых открывают филиалы за рубежом (по сравнению с 28 в 2011 году). В первую пятерку входят США, Великобритания, Россия, Франция и Австралия. В общей сложности вузы этих стран открыли 181 МФВ, или 73% от общего числа. «Принимающих» стран 76 (69 в 2011 году). Основные — Китай, ОАЭ, Сингапур, Малайзия и Катар: в них расположено 98 из всех МФВ, или 39%.

Важны ли МФВ?

К открытию МФВ ведут самые разные причины: жажда прибыли, стимуляция интернационализации высшего образования и двусторонней академической мобильности, стремление к престижу, желание выстроить стабильную научную базу. Нельзя сказать, что МФВ получают какую-то сверхприбыль, так как большая часть их доходов, если не все, инвестируются в текущую деятельность. О краткосрочной выгоде тоже сложно говорить, потому что пройдут годы, прежде чем МФВ заработает репутацию и можно будет начать оценивать эффективность его работы.

Зарубежные филиалы открывают и элитные университеты, считающие их элементом статуса, и менее известные вузы, которые могут себе позволить немного отойти от традиций и расширяют международное присутствие, чтобы повысить свою узнаваемость на новых рынках.

Вузы, которые инвестируют в МФВ, играют в долгосрочную игру: они делают ставку на глобальное будущее, когда международное присутствие будет играть для университетов определяющую роль. Пока большинство МФВ оттачивают свою модель деятельности,

работают преимущественно с местными студентами и видят мало возможностей для усиления двусторонней мобильности или укрепления собственного бренда. Возможно, некоторые МФВ, как это уже случилось раньше, обретут свободу от вуза-основателя и станут локальными независимыми университетами в тех странах, где они расположены. Многие университеты, развивающие МФВ, стремятся к получению добавленной стоимости, которую может давать международная сеть филиалов, где итоговая сумма больше отдельных слагаемых.

Ясно, что если МФВ станут значимым индикатором эффективности и доступности университетов, то новым игрокам будет сложно догнать тех, кто давно начал работать за рубежом. Глобальная сеть филиалов и отношения с властями и бизнесом обычно появляются не за одну ночь, а за десятилетия. Некоторые университеты, оценивая риски и преимущества, делают ставку на небольшие международные центры. Хороший тому пример — модель Global Gateways Университета штата Огайо.

Исследователи из ОВНЕ и группы C-BERT продолжат отслеживать феномен МФВ. Так, в 2017 году выйдет в печать вторая часть нашего доклада, в основу которой легли интервью с руководителями ряда МФВ, работающих не менее 10 лет. Мы проанализируем, как функционируют эти «зрелые» филиалы, рассмотрим вопрос оценки их эффективности и поговорим об условиях, необходимых для успеха.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9743>

Мобильность в XXI веке: роль международных преподавателей

Филип Альтбах, Мария Юдкевич

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Мария Юдкевич — доцент факультета экономических наук и проректор Высшей школы экономики, Москва. E-mail: 2yudkevich@gmail.com.

Эта статья подготовлена по мотивам исследования, проводившегося для International Faculty in Higher Education: Comparative Perspectives on Recruitment, Integration, and Impact, edited by M. Yudkevich, P. G. Altbach, and L. E. Rumbley (Routledge 2017).

В эпоху глобализации неудивительно, что растет число сотрудников научно-образовательной сферы, работающих за пределами родной страны. Степень глобализованности университетов тоже увеличивается, и сейчас это, наверное, самые глобализованные общественные институты. Даже несмотря на то, что в целом доля преподавателей и ученых, работающих не в своей стране, мала, эта группа достаточно важна. Под международными учеными мы в широком смысле понимаем всех тех, кто работает за пределами страны своего рождения или страны, в которой человек получил первый уровень высшего образования. В большинстве случаев эти люди не являются гражданами стран, в которых работают. Они выполняют роль драйверов международного университетского духа, часто они первоклассные исследователи, а в некоторых странах они представляют значительную долю сотрудников академической сферы.

Международных ученых можно разделить на пять основных категорий. Небольшая, но очень заметная группа — это сотрудники ведущих мировых университетов, в основном расположенных в крупнейших англоговорящих странах: Австралии, Канаде, США и, за некоторым исключением, Великобритании. Это мировые звезды первой величины; среди них есть лауреаты Нобелевской премии и других крупных наград. Вторая группа — это сотрудники университетов среднего или верхнего уровня, которые в силу своего размера, географического положения или каких-то особенных задач нанимают передовых ученых со всего мира. Такие университеты в основном расположены в Гонконге, Сингапуре, Швейцарии. Третья группа — преподаватели, работающие в странах, испытывающих нехватку местных кадров: Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива, некоторые африканские страны и др. Университеты этих стран часто нанимают иностранцев, которые могли бы читать базовые курсы, часто это преподаватели из Египта, Южной Азии или других регионов, которые сами обучались в непрестижных университетах. Четвертая группа, которая пересекается с предыдущей, — это представители диаспоры, которые уехали из одной страны в другую, как правило, получили там гражданство, а затем их привлекли для преподавания на родине. В каком-то смысле именно эту группу можно считать «по-настоящему» международной, в отличие от других. И последняя группа — те, кто уехал за границу получать степень PhD и, возможно, поработал в качестве постдока, начав таким образом строить карьеру за пределами родной страны; их можно назвать «перелетными учеными». В принципе, можно предположить, что в любой стране можно найти хотя бы несколько международных преподавателей.

Интернационализация и международные преподаватели

Наем ученых-иностранцев — один из ключевых аспектов стратегий интернационализации многих

вузов и стран. Их действительно часто рассматривают в качестве авангарда интернационализации. Кроме того, повышение количества международных сотрудников расценивается глобальными рейтингами, министерствами и лидерами многих стран как один из ключевых показателей интернационализации.

Принято считать, что международные сотрудники привносят в университет новые представления об исследовательской и преподавательской деятельности и об этосе университетов. Но, конечно, результативность их вклада зависит от организационной структуры университета, от ожиданий обеих сторон, вовлеченных в развитие интернационализации, и от других факторов. Международные преподаватели зачастую оказываются плохо интегрированы в программы интернационализации. Они читают свои курсы, но, помимо этого, практически ничего не делают для вузов. Нередко незнание норм и непонимание внутренних политических процессов местного академического сообщества и вуза ограничивает степень вовлеченности иностранных сотрудников в систему управления университетом и другие процессы.

В неанглоговорящих странах международные преподаватели способствуют расширению спектра курсов и программ на английском языке и общей перестройке вузов на англоязычную среду. Использование английского в науке и преподавании часто рассматривается как один из ключевых факторов интернационализации.

**Принято считать,
что международные
сотрудники привносят
в университет новые
представления
об исследовательской
и преподавательской
деятельности и об этосе
университетов.**

Стратегии стран и университетов в отношении международных преподавателей

Одни страны и университеты рады международным преподавателям и даже развивают системы для их привлечения, а другие не очень. Университеты Гонконга, Сингапура и Швейцарии поставили перед собой цель нанимать примерно половину всех

преподавателей на международном рынке труда — неслучайно они занимают высокие позиции в рейтингах. Некоторые страны, такие как Китай и Россия, выделяют финансирование и вводят другие стимулы для привлечения ученых из-за рубежа.

Значительное число стран, включая те, которые формально одобряют привлечение иностранных ученых, на практике устанавливают различные препятствия к найму иностранцев. Бывает чрезвычайно сложно пройти все бюрократические процедуры, связанные с получением права на работу, проверками службой безопасности, получением визы и т.д., и все это нередко в сочетании с наличием жестких квот для иностранцев, желающих выполнять определенные типы работы, в том числе в сфере науки и образования. В определенных случаях бюрократические, процедурные и юридические барьеры, существующие на национальном уровне, наносят серьезный ущерб процессу найма иностранных преподавателей, а иногда государство вводит ограничения на число и типы доступных иностранцам рабочих контрактов.

Некоторые страны открыто проводят направленную против найма иностранных ученых политику. В Индии, например, до недавнего времени было законодательно запрещено нанимать граждан других государств на постоянные должности, да и сейчас иностранных сотрудников в индийских университетах очень мало. Канадские власти то вводили, то отменяли политику «сначала канадцы», так что университетам каждый раз в каждом конкретном случае приходилось с пеной у рта доказывать, что очередной нанятый ими иностранец не занимает место канадца с аналогичным уровнем квалификации. Впрочем, Канада в целом хорошо относится к иностранным ученым, и там достаточно легко получить гражданство. А вот в США, которые всегда активно нанимали международных ученых, процедуры получения разрешения на работу и визы нередко оказываются очень сложными, а иногда даже непреодолимыми и напоминают бюрократический бег с препятствиями. В Саудовской Аравии иностранцы могут работать только по срочному трудовому договору.

Несмотря на то что благодаря глобализации многие страны открыли свои границы высококвалифицированным профессионалам, включая преподавателей вузов, остается множество практических проблем. Волна национализма и в некоторых случаях ксенофобии может препятствовать дальнейшему развитию международной академической мобильности в ближайшие годы.

Часть сообщества или изолированная группа?

Существует много нюансов, которые нужно понимать университетам, заинтересованным в привлечении иностранных сотрудников. Должны ли такие

сотрудники преподавать или заниматься исследованиями? Должна ли их зарплата отличаться от зарплаты остальных коллег? Должны ли отличаться условия повышения по службе и продления контракта? Должны ли они обязательно выучить местный язык или им можно преподавать на английском? Должны ли договорные отношения с иностранцами отличаться от договорных отношений с местными сотрудниками?

Помимо этих важных вопросов есть еще один, и он играет ключевую роль в академической жизни: должны ли иностранные сотрудники глубоко интегрироваться в местную университетскую среду (получать все связанные с этим выгоды и нести все соответствующие издержки) или же лучше создать своего рода «международное гетто», где будут поддерживаться определенные условия и «международные конкурентные стандарты»? В некоторых странах (Австралии, Канаде, США) такой вопрос вообще не встает. А во многих других, в том числе Китае, России, Саудовской Аравии, он чрезвычайно актуален, и очевидно ответа на него нет. Глубокая интегрированность иностранцев в повседневную университетскую жизнь должна способствовать повышению уровня культуры преподавания и ведения исследований, расширять горизонты представителей местного академического сообщества и вообще усиливать культурное многообразие. В то же время в этих процессах заложены определенные риски, связанные с развитием напряженности между местными сотрудниками и иностранцами и низкой удовлетворенностью иностранцев из-за, например, непрозрачности бюрократических процедур, что характерно для многих стран.

Заключение

Роль международных преподавателей на мировой академической арене в XXI веке растет. Эта разнородная группа профессионалов олицетворяет собой одновременно и символический, и практический аспекты интернационализации. Наиболее заметные представители этой группы — это авторитетные профессора, которые работают в ведущих исследовательских университетах по всему миру. В других странах международные преподаватели становятся неотъемлемой частью системы высшего образования в связи с нехваткой местных кадров. Причины, по которым вузы и страны заинтересованы в привлечении иностранных ученых, могут различаться, равно как и причины того, почему люди ищут работу за границей. Ясно одно: количество таких людей и их роль на международном академическом рынке труда растет, и, где бы они ни оказались, они приносят с собой новые традиции и свежий взгляд и способствуют повышению культурного многообразия.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9760>

Переосмысление глобального взаимодействия

Марейк ван дер Венде

Марейк ван дер Венде — профессор наук о высшем образовании Утрехтского университета, Нидерланды. E-mail: m.c.vanderwende@uu.nl.

Пересматривая исходные предположения и сценарии

Сейчас, когда возводятся новые стены и закрываются границы, роль высшего образования как способа построить открытое, демократическое и справедливое общество оказывается под вопросом. Геополитические события последних лет и распространение популистских тенденций ведут к отрицанию интернационализма. Идеи открытых границ, многосторонней торговли и сотрудничества подорваны, глобализацию критикуют, процветает национализм. Брекзит, перспектива распада Евросоюза, отвернувшиеся от всего мира США — все это ставит под угрозу международное сотрудничество в сфере высшего образования, свободное передвижение студентов и ученых, обмен идеями и научными знаниями. В то же время Китай запускает новые глобальные инициативы, в том числе для высшего образования, например проект «Один пояс — один путь» (также известный как «Новый Шелковый путь»), которые потенциально могут вовлечь многие страны Евразии, пусть и на новых, иных условиях.

Эти изменения требуют критического пересмотра наших представлений о глобализации и международном развитии высшего образования. Могли ли мы еще десять лет назад представить себе, что мир станет менее взаимосвязанным и интегрированным? Определения глобализации были естественным образом прогрессивными, говорили об углублении, расширении и ускорении всемирных взаимосвязей в условиях укрепления взаимозависимостей и схожестей между странами и регионами. Однако за прошедшее время мы также увидели ряд серьезных сигналов, говоривших об угрозе распространения неравенства и риске того, что не все выиграют от глобализации: кто-то от нее, наоборот, пострадает.

Десять лет назад Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала «Четыре будущих сценария для высшего образования». Один из этих сценариев был озаглавлен «Обслуживая местные сообщества». Прописанные в нем ключевые факторы перемен включали в себя «жесткое сопротивление глобализации <...> рост общественного скептицизма относительно интернационализации, вызванный самыми разными причинами, включая недавние теракты и войны, озабоченность приростом иммиграции,

фрустрацию из-за привлечения иностранной рабочей силы и боязнь того, что глобализация и иностранное влияние поставят национальную идентичность под угрозу». Далее этот документ описывает смелые новые исследовательские программы военного характера, запускаемые правительствами в силу различных геостратегических причин и засекречивания все большего числа исследовательских направлений в сфере естественных наук и инженерного дела (OECD, 2006, <https://www.oecd.org/edu/cei/38073691.pdf>, p. 5). Хотя в момент публикации этого документа описанный сценарий не рассматривался как вероятный, сейчас, десятилетия спустя, на практике мы наблюдаем реализацию именно этого сценария, тем более что недавно было объявлено о том, что ЕС направит миллиарды евро на стимуляцию оборонных исследований.

В общественно-политических дискуссиях о торговле, открытых границах, миграции, беженцах все чаще слышится скептическое отношение к интернационализации — и то же самое происходит в академической среде. Противники интернационализации критикуют ее как элитистский, космополитичный проект, выступают против использования английского в качестве второго языка, против международных рейтингов и вызванной ими мировой гонки репутаций с ее ежегодно публикуемыми списками победителей и проигравших, против привлечения международных студентов ради увеличения доходов вузов, против других форм «академического капитализма».

Глобализация, неравенство и высшее образование

Такие ученые, как экономист Томас Пикетти и социолог Бранко Миланович, способствовали формированию наших представлений о парадоксальных последствиях глобализации. Они выяснили, что, хотя в целом уровень социально-экономического неравенства в мире снижается (главным образом за счет развития азиатских экономик, в первую очередь Китая), в других странах и регионах он, наоборот, растет. Эти тенденции во многом находят отражение и в области высшего образования.

Уменьшение неравенства на глобальном уровне является результатом перебалансировки, произошедшей благодаря улучшению позиций Китая на мировой научно-образовательной арене, что отражается в высокой доле мировых расходов на НИОКР и высокой доле ученых (по обоим этим показателям Китай сейчас занимает второе место в мире после США и Европы соответственно). Неравенство в мире также снижается за счет увеличения численности студентов в разных странах, причем больше половины этого прироста приходится на Китай и Индию. В то же время во многих западных странах государственная поддержка высшего образования снижается. Популярность набирает американская модель, основанная на высокой доле частного финансирования, хотя ее критикуют в

разных странах за ее несправедливость и за то, что она ведет к снижению эффективности расходования средств. Дифференциация доходов все в меньшей степени зависит от наличия высшего образования, потому что происхождение и социальные связи играют все большую роль, особенно в обществах с высокообразованным населением.

Идеи открытых границ, многосторонней торговли и сотрудничества подорваны, глобализацию критикуют, процветает национализм.

Глобальное позиционирование и местные задачи

Таким образом, хотя в среднем по миру уровень неравенства в сфере высшего образования постепенно снижается, эта тенденция вряд ли сможет уравновесить проблему роста неравенства в богатых странах. Результатом этого становится то, что сектор высшего образования испытывает давление с двух сторон: с одной стороны, увеличивается конкуренция на глобальном уровне, а с другой – вузы все чаще подвергаются критике за их локальную деятельность. Наиболее яростной критике подвергаются университеты, которые гонятся за высокими местами в международных рейтингах, т.к. считается, что из-за этого академический истеблишмент забывает о своей национальной и актуальной для местных сообществ миссии и отделяется от общества, внутри которого находится.

Уже десять лет назад было ясно, что глобализация ведет к экономическим перекосам, которые, в свою очередь, оказывают разрушительный эффект на социальную сплоченность, и что глобализация требует перебалансировки. Университетам еще тогда следовало расширить миссию в сторону интернационализации, стать более инклюзивными, задуматься о вопросах миграции и социальной изолированности, пересмотреть общественный договор в контексте глобализации, т.е. сделать образование более доступным для местных студентов, представляющих меньшинства, принять тот факт, что многообразие — это ключ к успеху в глобальном информационном обществе, и, наконец, стать по-настоящему международным и мультикультурным образовательным пространством, которое позволяло бы молодежи становиться гражданами мира.

«Шелковый путь» в будущее

Некоторые университеты добились более высоких результатов, но никто не мог предположить, что им придется столкнуться с теми проблемами, с которыми они борются теперь. Мы, европейцы, и представить их себе не могли, ведь мы были полны оптимизма в золотую эру интернационализации, в период после падения Берлинской стены и даже после терактов 11 сентября. Теперь же, думая о будущем, мы вынуждены задаться рядом важных вопросов, например о влиянии Европейского союза, США и Китая на высшее образование.

Празднование 60-летия принятия Римского договора, состоявшееся 25 марта 2017 года, проходило под флагом ожесточенных споров о будущих сценариях развития Европы, среди которых есть как более обнадеживающие для высшего образования, так и менее. Тем временем ЕС развивает сотрудничество с Китаем в сфере науки путем создания исследовательских центров и подписания различных соглашений в сфере высшего образования, поэтому влияние Китая на мировое высшее образование растет. Как китайские ценности повлияют на высшее образование? Хорошо ли мы понимаем эти ценности? Как подготовить наших студентов к путешествию по этому новому «шелковому пути» в будущее? Это еще одна важная проблема в области интернационализации: нам необходимо углубить и расширить наше понимание мира, перестать фокусироваться главным образом или исключительно на западной цивилизации и открыться новому.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9807>

США, Европа, Азия: многообразие аффилиаций нобелевских лауреатов

Элизабет Мария Шлагбергер,
Лутц Борнманн, Йохан Бауэр

Элизабет Мария Шлагбергер — специалист по информации в Биохимическом институте Макса Планка (Мартинсрид, Германия). E-mail: schlagberger@biochem.mpg.de.

Лутц Борнманн — исследователь в административной штаб-квартире Общества Макса Планка (Мюнхен). E-mail: lutz.bornmann@gv.mpg.de.

Йохан Бауэр — исследователь, специалист по информации в Биохимическом институте Макса Планка (Мартинсрид). E-mail: jbauer@biochem.mpg.de.

Что способствует продвижению репутации университета? Научные лаборатории, университеты, исследовательские институты или даже коммерческие компании поддерживают будущих нобелевских лауреатов тем, что дают им возможность заниматься наукой. В качестве возврата своих инвестиций они рассматривают репутацию, которую нобелевские лауреаты принесут их организациям. Однако нередко ученые получают награду за первоклассную работу, выполненную давным-давно и в совсем другом вузе, а не в том, где он или они работают в текущий момент. Поэтому сложно говорить о том, какие вузы действительно способствуют развитию передовой науки. Последнее исследование, посвященное исследовательским организациям, где будущие нобелевские лауреаты писали статьи, которые впоследствии и принесли им признание, проводила социолог Харриет Цукерман в 1976 году. В книге «Научная элита: Нобелевские лауреаты США о нобелевских лауреатах за 1901–1975 гг.» она привела рейтинг университетов, составленный на основе данных о 92 американских нобелевских лауреатах.

Наше исследование (Schlagberger et al. *Scientometrics*, 2016, DOI: 10.1007/s11192-016-2059-2) охватило всех 155 нобелевских лауреатов по химии, физике и физиологии/медицине за 1994–2014 годы. Мы постарались выявить, в каких научных организациях была проведена работа, за которую ученые получили Нобелевскую премию. Работа основана на анализе биографий ученых. Недавно мы расширили выборку до 2016 года включительно (n=170).

Рейтинг стран по количеству научных публикаций, за которые авторам была присуждена Нобелевская премия

В исследуемый нами период (1994–2016) лидером по количеству нобелевских лауреатов оказались США (n=94,5), на втором месте Великобритания (n=20,5) и на третьем — Япония (n=12,5). За ними следуют Франция и Германия (n=8 и n=6,5 соответственно). Результаты получились нецелочисленными, т.к. некоторые лауреаты были аффилированы одновременно с несколькими странами.

Нобелевские лауреаты, работавшие в ведущих исследовательских институтах

США также возглавили и институциональный рейтинг, на вершине которого оказались Калифорнийский университет в Беркли и исследовательский институт Лаборатории Белла в Мюррей-Хилле, штат Нью-Джерси (оба по n=6), Гарвардский университет (n=5) и Университет Рокфеллера (n=4). Примечательно, что в Лаборатории Белла работали исключительно лауреаты по физике.

Во второй по значимости стране — Великобритании — больше всего нобелевских лауреатов в Кембриджском медицинском исследовательском центре (n=5) и Кембриджском университете (n=3), и все они либо по химии, либо по физиологии/медицине. Помимо этого, нобелевские исследования проводились в Университете Бирмингема, Университете Эдинбурга и Университете Манчестера (по n=2), а также в Лондонском университетском колледже, Университете Ноттингема, Оксфордском университете, Университете Шеффилда и Университете Сассекса (по n=1).

Во Франции и Германии будущие нобелевские лауреаты, как правило, проводили свои судьбоносные исследования в наиболее известных исследовательских институтах. Во Франции это Институт Пастера, Парижский университет и Страсбургский университет (по n=2), а также Высшая нормальная школа Парижа и Французский институт нефти в Рюэй-Мальмезоне (по n=1). В Германии речь идет о двух университетах, Мюнхенском и Фрайбургском (по n=1), и таких исследовательских центрах, как Европейская лаборатория молекулярной биологии в Гейдельберге (n=2), Общество Макса Планка (n=1,5) и Юлихский исследовательский центр (n=1), входящий в состав Объединения имени Гельмгольца.

В Израиле (n=4,5) ведущая роль в проведении исследований, удостоенных Нобелевской премии, принадлежит технологическому институту Технион в Хайфе (n=3). Научные исследования, получившие признание Нобелевского комитета, проводились также в Австралии, Канаде, Нидерландах, России и Швеции, по одному нобелевскому лауреату есть в Бельгии, Дании, Китае, Норвегии, Финляндии и Швейцарии.

Патентная работа как путь к Нобелевской премии

Еще один способ стать авторитетным исследователем и получить Нобелевскую премию — это патентные инновации. Мы нашли одного такого лауреата, инженера Джека Килби (премия по физике за 2000 год), который, будучи сотрудником компании Texas Instruments, разработал интегральную микросхему и в 1959 году получил на нее патент в США, что впоследствии привело к Нобелевской премии.

Лауреаты из Восточной Азии

В последние годы некоторые нобелевские лауреаты работали в странах Восточной Азии. В последние 16 лет 12 японских ученых и всего одна китайская исследовательница (Ту Юю) сделали свои открытия на родине. Больше всего нобелевских лауреатов работало в университетах Токио и Нагойи (по n=3), а также в Университете Киото (n=2,5). Профессор медицинских наук Синъя Яманака работал в Киотском университете в рамках государственной программы CREST по поддержке фундаментальных естественнонаучных исследований, реализуемой Японским

агентством по науке и технологиям (JST). Микробиолог Сатоси Омура проводил свои исследования в Университете Китасато, но одно из своих более поздних открытий — новые культивированные штаммы почвенных бактерий — он отослал в компанию «Исследовательские лаборатории Мерк Шарп и Доум», расположенную в американском городе Кенилворте, штат Нью-Джерси.

Научные лаборатории, университеты, исследовательские институты или даже коммерческие компании поддерживают будущих нобелевских лауреатов тем, что дают им возможность заниматься наукой.

Элитные университеты поддерживают будущих нобелиатов

Неудивительно, что именно американские университеты и исследовательские институты возглавляют список вузов, где будущие нобелевские лауреаты оканчивали аспирантуру: лидируют в списке Гарвард (n=14), Калифорнийский университет в Беркли (n=8) и Массачусетский технологический институт (n=6). Из британских вузов больше всего лауреатов работали над PhD в Кембриджском университете и Кембриджском медицинском исследовательском центре (по n=7,5). По пять будущих нобелевских лауреатов защитилось в Чикагском университете, Корнельском университете, Стэнфорде и Йеле (США), Оксфорде (Великобритания) и Университете Нагойи (Япония).

Лауреаты, не имеющие степени PhD

Иногда Нобелевскую премию получают люди, не имеющие степени PhD. Помимо уже упоминавшихся Килби и Юю к ним относятся бельгиец Ив Шовен (бакалавр химических наук, который впоследствии писал, что всю жизнь жалел о том, что не продолжил свое образование) и японский физик Коити Танака, который, получив диплом инженера, сразу начал работать в корпорации «Симадзу», расположенной в Киото и производящей лабораторное оборудование.

Заключение

В целом наши результаты показывают, что нобелевские лауреаты обычно аффилированы с элитными научными организациями. Большинство из них получило первоклассное высшее образование, а работу, получившую Нобелевскую премию, они вели во всемирно известных исследовательских центрах, и на момент получения премии они также были аффилированы с передовыми университетами или институтами. Будущее покажет, будут ли последующие нобелевские лауреаты выпускниками и сотрудниками небольших и менее известных вузов США или других стран.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9928>

Высшее образование, здоровье студентов и проблема ожирения в развивающихся странах

Катрина Тейлор

Катрина Тейлор — заместитель директора по спорту Бостонского колледжа, США. E-mail: caitriona.taylor@bc.edu.

Доля людей, страдающих ожирением, стремительно растет во всем мире. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), общемировой показатель вырос вдвое в сравнении с 1980 годом. А в развивающихся странах доля населения с ожирением за последние 20 лет утроилась в связи с потреблением высококалорийной пищи и сидячим образом жизни. Ожирение, лишний вес и связанные с этим недуги оказываются причиной 5% смертей.

Борьба с этой тревожной тенденцией стала одной из приоритетных задач ВОЗ. В мае 2004 года ВОЗ приняла Глобальную стратегию по питанию, физической активности и здоровью. Глава ВОЗ д-р Маргарет Чан в выступлении 8 февраля 2017 года отметила, что, хотя в мире по-прежнему остро строит проблема голода, за последнее десятилетие «большинство мирового населения растолстело».

Это всеобщая проблема вне зависимости от уровня образования или дохода. Однако она имеет особенно большое значение для вузов, обучающих завтращние поколения. К тому же у них есть ресурсы и инфраструктура, необходимые для развития программ поощрения и продвижения здорового образа жизни.

В Северной Америке наблюдается положительная корреляция между уровнем образования и доходов

и снижением уровня ожирения. Данные показывают, что люди, продолжившие образование после школы, менее склонны к проблемам с лишним весом. По статистике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), более грамотное и образованное взрослое население на 33% чаще считает свое здоровье хорошим, чем менее грамотное и с низким уровнем образования.

В развивающихся странах ситуация отличается: уровень ожирения среди молодого поколения (детей нового, постоянно растущего среднего класса), наоборот, растет. По данным исследования 2014 года, опубликованного в журнале *International Journal of Environmental Research and Public Health* и охватившего 15 746 студентов бакалавриата в 22 университетах из стран с низкими доходами, стран со средними доходами и стран с переходной экономикой, 22% выборки страдало от лишнего веса или ожирения. В развивающихся странах вузы дают студентам надежду на более экономически перспективное будущее. Они же должны отреагировать на тенденцию к повышению доли людей с высшим образованием, которое не сопровождается снижением уровня ожирения.

Борьба с этой тревожной тенденцией стала одной из приоритетных задач ВОЗ.

Египет

По данным доклада ВОЗ за 2010 год, от ожирения или лишнего веса страдает 70% египтян, и это самый высокий показатель в Африке. Выше всего уровень ожирения в Египте среди наиболее богатых и образованных. Таким образом, это подходящий для изучения пример развивающейся страны.

Правительство Египта знает о набирающей обороты эпидемии ожирения. Чтобы оценить масштабы проблемы, в 2015 году Министерство здравоохранения провело Всеегипетский опрос о проблемах здоровья. Результаты оказались ужасающими. Оказалось, что 76% женщин и 60,7% мужчин в возрасте 15–59 лет страдают от избыточного веса или ожирения. В отличие от Европы и США, в Египте высшее образование не «спасает» от ожирения: так, среди мужчин без образования им страдает 60,9%, а среди тех, кто получил полное среднее или высшее образование, — 68,2%. Избыточным весом или ожирением страдает 83,1% египтянок без образования и «всего лишь» 77,3% женщин, окончивших школу или вуз, — таким образом, вузы должны заняться этой проблемой.

Более того, египтяне с более высоким уровнем доходов чаще страдают ожирением. Если сравнить

самый бедный квартиль населения и самый богатый, то уровень ожирения среди мужчин составляет 51,9% и 67,8% соответственно, а среди женщин — 70,9% и 78,4% соответственно. По мере повышения доступности высшего образования (а Египет планирует увеличить к 2021–2022 году долю учащейся молодежи с нынешних 32% до 40%), что, скорее всего, будет происходить в основном за счет частных университетов, вузы, особенно частные, будут набирать именно тех, кто наиболее склонен к ожирению или избыточному весу, то есть самых образованных и самых богатых.

Текущие спортивные инициативы в Египте

Один из основных факторов, ведущих к ожирению и лишнему весу, — низкая двигательная активность. Египетские университеты уже признали важность физической нагрузки. Например, Каирский университет, главный в стране, объявил физкультуру одним из ключевых видов деятельности студентов. А частный Американский университет в Каире работает по западной системе, в которой спорт и развлечения являются неотъемлемой частью обучения. В основе любой стратегии по увеличению двигательной активности студентов лежит наличие и аккуратное использование соответствующего оборудования и инфраструктуры.

Однако в египетских вузах, в отличие от западных, часы работы имеющихся спортивных объектов ограничены. Вузам необходимо разрабатывать планы по увеличению коэффициента загрузки спортивного оборудования. В Американском университете в Каире, например, всего 10% студентов бакалавриата пользуется спортивной инфраструктурой вуза. Если уж в элитном частном университете такие показатели, можно предположить, что в других вузах, частных или государственных, дела обстоят так же или еще хуже. Для сравнения: в Северной Америке спортивной инфраструктурой и рекреационными зонами, которыми оборудованы вузы, пользуется 75% студентов. Если бы египетские вузы расширили часы работы спортивных объектов и разработали специальные физкультурные и оздоровительно-просветительские программы, это помогло бы повысить двигательную активность студентов и таким образом решить одну из ключевых проблем, способствующих распространению ожирения.

Заключение

В развитых странах наблюдается корреляция между высоким уровнем образования и доходов и низким уровнем ожирения и лишнего веса. Но это лишь корреляция, причинно-следственной связи между этими показателями нет. В развивающихся странах ситуация противоположная, поэтому важно, чтобы университеты этих стран сделали здоровье и здоровый образ жизни ключевыми элементами своей миссии. Развивающиеся страны должны активизировать усилия по вовлечению студентов в спортивные

программы — это важнейший шаг в борьбе с кризисом ожирения, приостановить рост которого можно лишь через образовательную работу и популяризацию спорта. Развивающиеся страны отстают по экономическим показателям и уровню образованности населения, а уровень здоровья их населения продолжит снижаться, если вузы не сделают оздоровление студентов одним из своих приоритетов.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9751>

Реквием по мечте: академическая свобода в демократических режимах под угрозой

Даниела Крачун, Георгиана Михут

Даниела Крачун — аспирант Центрально-Европейского университета, Будапешт, Венгрия. E-mail: Craciun_Daniela@phd.ceu.edu.

Георгиана Михут — аспирант Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: mihut@bc.edu.

Академическая свобода — это основополагающая ценность и одновременно главный принцип работы высших учебных заведений. Этот принцип настолько глубоко встроен в научную и преподавательскую деятельность (в особенности в демократических странах), что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Однако в последнее время правительства демократических стран начали принимать репрессивные меры против ученых и вузов.

Академическая свобода и правительства демократических стран

Президент Польши Анджей Дуда грозитя отобрать у авторитетного историка высокую государственную награду за то, что тот в своей работе написал об участии поляков в Холокосте. Что еще хуже, недавно избранное консервативное правительство предложило наказывать пятилетним тюремным сроком всех, кто утверждает, будто бы Польша так или иначе участвовала в преступлениях нацистского или сталинского режима. Венгрия быстро провела поправку к Закону ССIV от 2011 года «О национальном высшем образовании», которая направлена на регулирование деятельности существующих в стране 28 международных

университетов. Впрочем, как отмечают наблюдатели, поправка на самом деле нацелена на один конкретный вуз, который до нынешнего времени был практически неуязвим для традиционных методов воздействия, то есть на Центрально-Европейский университет (ЦЕУ). Более того, новый закон даже называют «законом о ЦЕУ». ЦЕУ принадлежит ведущая роль в построении демократии в Центральной и Восточной Европе и продвижении идеалов «открытого общества».

Правительства нередко относятся к университетам так же, как к политической оппозиции. С самого своего зарождения университеты пестовали критическое мышление, умение вести дискуссию и, соответственно, несогласие со статус-кво. Традиционно правительства демократических стран относились к вузам как к важным и достойным оппонентам, играющим ключевую роль в поддержании «метаболизма» здоровой демократии. А правительства недемократических стран воспринимали их как угрозу и пытались ими управлять — например, ограничивая академическую свободу, сокращая автономность, лишая финансирования или вовсе закрывая. Но в последнее время даже правительства стран, которые в целом считались демократическими, тоже стали воспринимать университеты как угрозу. Особое беспокойство вызывают недавние законодательные изменения в Венгрии.

Академическая свобода — это основополагающая ценность и одновременно главный принцип работы высших учебных заведений.

Недавние события в Венгрии

Новый венгерский закон напрямую угрожает существованию ЦЕУ. Согласно этому закону ЦЕУ должен открыть филиал в американском штате Нью-Йорк (где формально зарегистрированы все программы этого университета, но где он не ведет каждодневную деятельность), перестать выдавать выпускникам дипломы американского образца (хотя все программы аккредитованы Советом по высшему образованию Среднеатлантических штатов США) и запрашивать разрешение у венгерского правительства для найма преподавателей, не являющихся гражданами ЕС (в настоящее время они избавлены от прохождения этой процедуры). К тому же новый закон препятствует работе ЦЕУ под его нынешним именем.

Правительство Венгрии утверждает, что новый закон направлен на регулирование трансграничного высшего образования с целью обеспечения его качества. Однако на практике основная мишень этого закона — именно ЦЕУ, который занимает 39-е место рейтинга Times Higher Education среди вузов, созданных менее 50 лет назад, и поэтому используемое правительством обоснование не соответствует действительности. Новый закон не говорит о механизмах контроля качества, а дает правительству новые административные возможности для прямого контроля международного образования, которое до недавнего времени не поддавалось контролю традиционными методами (то есть путем сокращения государственного финансирования).

Непрекращающиеся посягательства на академическую свободу

Обсуждаемый закон — это лишь наиболее яркий пример взятого страной политического курса на подавление академической свободы. Ранее правительство Венгрии уже использовало схожую тактику для снижения влияния государственных университетов на общество. В 2014 году была принята еще одна поправка к закону о национальном высшем образовании, которая позволила премьер-министру напрямую назначать канцлеров государственных университетов, наделенных исполнительными финансовыми полномочиями. В результате чего власть ректоров теперь распространяется только на академические вопросы. Такое распределение сил только укрепилось благодаря поправке 2015 года, которая передала функции средне- и долгосрочного планирования деятельности университетов специальным совещательным органам, куда вошли преимущественно представители национального правительства. Официальное объяснение заключается в том, что эти поправки призваны повысить эффективность вузов, получающих государственное финансирование. Но на практике все это лишь привело к снижению автономности вузов и дало правительству возможность напрямую контролировать их деятельность.

Академическая свобода в нелиберальных государствах

Такое развитие событий было немыслимо еще десять лет назад. После падения коммунистического режима в 1989 году Венгрия довольно быстро и успешно стала демократическим государством и в итоге оказалась одной из первых стран — участниц Варшавского договора, получивших статус полноправного члена Европейского союза. В 2014 году, через десять лет после вступления в ЕС, премьер-министр Виктор Орбан заявил о намерении уйти от модели либеральной демократии с целью защиты национального суверенитета Венгрии и построить «нелиберальное государство» по модели России и Турции. Согласно Индексу демократии, составляемому британским изданием

The Economist и измеряющему такие показатели, как политическая ангажированность населения и уровень политической культуры, начиная с 2011 года Венгрия однозначно попадает в категорию «несовершенные демократии».

Значительные посягательства на академическую свободу происходили также в России и в Турции. Так, в результате жалобы политика Виталия Милонова Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) подвергся 11 проверкам, проведенным без предупреждения и выявившим якобы 120 случаев нарушения условий лицензирования, при этом лишь одну из выявленных проблем не удалось решить, однако лицензия ЕУСПб на образовательную деятельность была приостановлена. Стоит также обратить внимание на то, что Виталий Милонов является автором одиозного закона о запрете «пропаганды гомосексуализма», а ЕУСПб был крупнейшим в стране центром гендерных исследований. В Турции, по данным организации Scholars at Risk, почти 6000 преподавателей и административных сотрудников турецких вузов лишились работы на основании подозрений в том, что они участвовали в попытке государственного переворота в 2016 году.

Заключение

Посягательства на академическую свободу в демократических странах являются одновременно показателем и следствием подрыва демократии. Защита академической свободы — один из важных общественных способов борьбы за толерантность и противостояния злоупотреблению властью. Такие страны, как Венгрия, на собственной шкуре испытали разрушительное влияние авторитаризма. Свобода преподавания и науки служит гарантией того, что история не будет забыта, и обеспечивает успешную работу необходимой в демократических обществах системы сдержек и противовесов. Академическая свобода является залогом благополучия не только университетов, но и целых стран и регионов, в которых они работают.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9929>

Украина: повальная коррупция в сфере высшего образования

Елена Денисова-Шмидт,
Ярослав Прытула

Елена Денисова-Шмидт — лектор в Университете Санкт-Галлена, Швейцария, научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: elena.denisova-schmidt@unisg.ch.

Ярослав Прытула — декан факультета прикладных наук Украинского католического университета, Львов. E-mail: ya.prytula@ucu.edu.ua.

Журналисты из Wall Street Journal и The Times of London бьют тревогу: как выяснилось, иностранные студенты, которые учатся в американских и британских вузах, жульничают чаще, чем местные. Почему так происходит? На примере пронизанной коррупцией украинской системы высшего образования мы попытаемся выявить определяющие факторы недобросовестного поведения среди студентов, описать студенческие группы, наиболее склонные к участию в денежных и неденежных коррупционных схемах, и таким образом ответить на поставленный вопрос. Возможно, наши выводы помогут американским и британским вузам, где учатся иностранцы, подкорректировать свои правила и процедуры, связанные с академической этикой.

Почему Украина?

В этой стране, как и в большинстве других постсоветских государств, коррупция в сфере высшего образования не является чем-то особенным, и даже наоборот — является растущим трендом. Согласно глобальному Индексу восприятия коррупции Transparency International, Украина занимает одно из последних мест среди 15 бывших советских республик. Все общественные институты Украины пронизаны коррупцией. Самыми коррумпированными системами, по данным опросов Европейской исследовательской ассоциации 2007, 2008, 2009 и 2011 годов и опроса Агентства США по международному развитию 2015 года, являются образование, здравоохранение и полиция.

Недобросовестные студенты во Львове

Недавно мы проводили репрезентативное исследование, в рамках которого было опрошено 600 студентов из государственных университетов Львова, одного

из наименее коррумпированных городов страны, и установили, что они участвуют в самых разнообразных формах денежной и неденежной коррупции. 47,8% студентов имеют опыт дачи взяток; 94,5% признались, что списывают на контрольных и экзаменах; 92,8% копируют при написании своих работ чужие тексты без указания источника; 64,2% скачивают работы из интернета и сдают их как свои собственные; 40,4% платят за то, чтобы им написали курсовую; 37,5% выпрашивают у преподавателей побрякки. Все это происходит с разной частотой — респонденты могли выбрать «изредка», «иногда», «часто» или «систематически», — но все-таки происходит. Почему? Причины могут быть самыми разными. Кто-то вынужден подрабатывать, и не остается времени на учебу и/или посещение занятий (а посещение в украинских вузах обязательно). Кто-то обманывает только по тем предметам, которые кажутся «ненужными», например на физкультуре. Некоторые студенты признаются, что они учатся только «ради корочки» и что им не важно, как именно ее получить. Хорошие оценки важны для тех, кто хочет получать государственную стипендию, и это может служить еще одной причиной дачи взяток.

На Украине, как и в большинстве других постсоветских государств, коррупция в сфере высшего образования не является чем-то особенным, и даже наоборот — является растущим трендом.

Кто жульничает чаще?

Некоторые группы студентов более склонны к различным формам жульничества, чем другие. К ним относятся, например, студенты, живущие в общежитиях. Вероятно, они просто больше знают «трюков», а преподаватели готовы закрывать глаза на такое поведение. Студенты из общежитий тратят больше времени на такие повседневные задачи, как покупки, готовка или уборка, в отличие от студентов, живущих с родителями, соответственно, у них остается меньше времени на учебу. К тому же в украинских общежитиях далеко не каждый может себе позволить жить в отдельной комнате и спокойно заниматься в одиночестве. Одним из возможных решений было бы улучшить условия проживания в общежитиях и довести их, например, до уровня общежитий американских

вузов, в которых обычно есть столовые, или создать в университетах дополнительные комнаты для самостоятельных занятий.

Студенты, замеченные в недобросовестном поведении, зачастую приезжают из небольших городов и деревень, это выпускники средних школ, в которых не соблюдаются стандарты, или школ, в которых не хватает учителей (а те, что есть, получают очень маленькие зарплаты) или инфраструктуры. Поэтому еще одним возможным способом борьбы с коррупцией в сфере образования может быть инвестирование в сельские школы и школы небольших городов и повышение статуса учителей. По последним результатам Международной программы оценки образовательных достижений учащихся (PISA), ученики школ, где работают мотивированные и участливые учителя, более дисциплинированы и показывают более высокие результаты по ряду предметов даже с учетом социально-экономических факторов.

Вторая группа студентов, наиболее склонных к жульничеству, — это те, кто не делает домашнюю работу. Кому-то приходится самостоятельно зарабатывать на жизнь, потому что средств, получаемых от родителей и/или от государства, недостаточно. Если бы они получали больше финансовой поддержки, это, возможно, способствовало бы снижению коррупции. Зачастую студенты, которые не прилагают больших усилий к учебе, не выполняют домашнюю работу и не читают дополнительные материалы, компенсируют это жульничеством. Возможно, снижению коррупции способствовало бы продвижение культуры академического взаимодействия.

Третья группа — это отстающие и те, кто плохо учился еще до поступления в вузы. Их обычно интересует «корочка», а не знания. Такое отношение стало закономерным результатом массовизации высшего образования. Стоило бы подумать о разработке новой системы профессионально-технического образования и сделать его привлекательным. Например, по примеру немецкой модели, где посещение занятий совмещается с работой.

Мы не выявили статистически значимых связей между участием в работе неправительственных организаций (так мы оценивали степень общественной активности), учебой на бюджетном/коммерческом месте, благосостоянием студентов (родителей) и типами недобросовестного поведения. Однако, когда мы исследовали воздействие антикоррупционных кампаний на студентов, выяснилось, что они привели к ровно противоположным от задуманных результатам: коррупция и недобросовестное поведение стали еще более распространены, потому что в результате антикоррупционных кампаний студенты поверили, что списывают все, и/или даже узнали о новых формах жульничества. Иными словами, когда люди узнают о том, насколько коррупция распространена, им становится проще с ней смириться.

Что можно сделать?

Полностью избавиться от коррупции в повально коррумпированных системах практически невозможно, но ее можно ослабить. Меры по борьбе с коррупцией должны быть хорошо продуманы, чтобы не приводить к противоположным результатам. Скорее всего, успешная антикоррупционная политика может быть направлена на продвижение идеи о тотальном неприятии коррупции, нацелена на определенные группы и показывать долгосрочный негативный эффект недобросовестного поведения в академической сфере — например, через прямой или опосредованный вред человеческим жизням.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9745>

Качество высшего образования в Эфиопии: замкнутый круг

Айеначеу Асэффа Волдегийоргис

Айеначеу Асэффа Волдегийоргис — аспирант и ассистент Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: woldegiy@bc.edu.

Контекст

В последние 15 лет сектор высшего образования Эфиопии существенно расширился. За это время количество государственных университетов возросло с двух до 35 (включая два научно-технических), по сравнению с тремя частными, а количество студентов бакалавриата взлетело с 30 000 до 729 028 (на 2014/2015 учебный год), то есть доля выпускников школ, поступающих в вузы, возросла до 10,2%. В настоящее время правительство Эфиопии строит еще 11 новых государственных университетов в рамках второго этапа национального Плана развития реформ (GTP II). Это масштабная задача, которая осложняется рядом проблем — например, срочной нуждой в квалифицированных преподавателях.

Для того чтобы набрать нужное число квалифицированных преподавателей в планируемые к открытию новые университеты, Министерство образования призвало студентов последних курсов бакалавриата пройти в конце 2014/2015 учебного года специальный квалификационный экзамен, содержание которого зависит от специализации. Те, кто его сдадут, смогут претендовать на позиции ассистентов преподавателей новых вузов.

Хотя эта процедура, безусловно, является прогрессом по сравнению с практиковавшимся ранее наймом выпускников исключительно на основе полученных ими оценок и владения английским, результаты квалификационного экзамена не радуют, потому что подавляющее большинство его не сдало. Это показывает масштаб проблемы, с которой вскоре столкнется страна, занятая одновременно расширением системы высшего образования и улучшением ее качества.

Что говорят цифры

Даже беглый взгляд на данные приводит к неутешительным мыслям. Квалификационный экзамен сдавало почти 10 000 студентов из 32 эфиопских вузов, оканчивавших обучение по 14 специальностям. Чтобы получить допуск к этому экзамену, необходимо было не только заявить о своем интересе, но и подтвердить, что твой средний балл не ниже 2,75 для мужчин и 2,5 для женщин. В результате было отобрано 716 кандидатов (около 30% — женщины), которым и предложили работу, что соответствует поставленной в рамках Пятой программы по развитию образования (ESDP V) цели — сделать так, чтобы к 2020 году женщины составляли не менее 25% профессорско-преподавательского состава вузов.

На экзамене можно было получить максимум 100 баллов, но лишь один человек набрал более 80 баллов (точнее, 81); 28 кандидатов набрали от 70 до 79 баллов. Средний балл составил 57,8, при этом существенных гендерных различий выявлено не было (59,3 для мужчин, 54,3 для женщин).

Результат в 57,8 балла на экзамене по специализации стоит рассматривать в лучшем случае как посредственный. Тот факт, что 127 из отобранных кандидатов (или почти одна пятая) экзамен не сдали (то есть получили менее 50% баллов), не может не вызывать беспокойство. Среди них, кстати, наблюдаются значительные гендерные различия: средний балл для мужчин, проваливших экзамен, составил 12,9, а для женщин — 29,7. Еще важно отметить, что это результаты наиболее успешных в своих областях студентов, составивших около 7% от общего числа сдававших экзамен. Остается только гадать, как сдали остальные 93% и уж тем более как его сдали бы те, кто не прошел предэкзаменационный отбор.

Эти цифры не могут не вызывать беспокойство. Во-первых, средний балл будущего поколения преподавателей нельзя охарактеризовать иначе, как посредственный; во-вторых, огромная доля сдававших провалила этот экзамен по своей же специальности. Это не может не отразиться на их преподавательских качествах и не отразиться на студентах, для которых они будут выступать в роли модели.

Кризис качества

Низкий уровень профессорско-преподавательского состава — один из основных факторов, из-за которых

качество высшего образования в Эфиопии оказалось в порочном круге. Поскольку качество начального и среднего образования в стране тоже оставляет желать лучшего, выпускники школ плохо подготовлены к университетским требованиям. Согласно Пятой программе развития образования (ESDP V), «многие абитуриенты поступают в вузы несмотря на то, что набирают менее 50% на вступительных экзаменах», а сочетание низкого уровня преподавания и неподготовленности студентов влечет за собой высокий процент отсева в бакалавриате. Правительство, которое, с одной стороны, публикует такой анализ, а с другой — продолжает набирать в университеты плохо подготовленных преподавателей, противоречит само себе.

В некоторых дисциплинах проблема стоит особенно остро. Так, средний балл среди кандидатов, сдававших квалификационный экзамен в области математики и физики, составил 48,3 и 50,5 соответственно. Такие низкие показатели по этим дисциплинам удручают, ведь они считаются основополагающими для таких приоритетных направлений деятельности, как инженерное дело, естественные науки, развитие технологий.

Ситуация отражается и на исследовательском потенциале страны. В период после 2011/2012 учебного года эфиопские университеты потратили на исследования всего 1% своего бюджета, причем занимаются наукой в основном аспиранты. Учитывая качество выпускников эфиопских вузов, включая тех из них, кто поступает в аспирантуру, научный потенциал страны очевидно под угрозой.

Что можно сделать?

Низкое качество образования в вузах, низкое качество выпускников и научной инфраструктуры представляют серьезную проблему для национальной экономики и программы развития страны. Эти проблемы требуют как можно более скорого решения.

Для начала нужно создать условия для того, чтобы занятые в коммерческом секторе компетентные специалисты начали участвовать в преподавательской деятельности — например, в сотрудничестве с недавними выпускниками вузов в роли ассистентов; необходимо создавать программы наставничества, в которых опытные преподаватели обучали бы и мотивировали молодых коллег; нужно предложить потенциальным преподавателям более высокую заработную плату и более выгодный соцпакет, чтобы привлечь грамотных профессионалов в академическую среду; нужно более грамотно использовать потенциал профессионалов эфиопской диаспоры за рубежом; и, в конце концов, нужно привлекать иностранцев для развития ключевых дисциплин.

Но долгосрочное решение заключается в замедлении темпов расширения национальной образовательной системы, укреплении уже действующих вузов и дифференциации имеющейся системы. В частности, нуж-

но снизить темпы создания новых университетов, а существующим сильным институтам дать статус исследовательских университетов и, соответственно, увеличить их финансирование. Эти вузы могли бы заниматься высококачественной преподавательской и исследовательской деятельностью, что привело бы к двум важным результатам.

Во-первых, они могли бы стать центрами производства и обмена новыми знаниями, а также центрами научно-технического развития. Это способствовало бы информационному прогрессу в ключевых отраслях экономики, например в сельскохозяйственном и промышленном секторе. Во-вторых, став эпицентром академического развития, эти вузы наработали бы стратегический потенциал к воспроизводству высококвалифицированных и хорошо подготовленных академических кадров для укрепления существующих университетов и создания новых.

Пора всерьез заняться вопросом качества высшего образования в Эфиопии и выработать практические решения, чтобы избежать назревающего кризиса. В противном случае грандиозные планы правительства по повышению доступности высшего образования путем создания новых университетов приведут лишь к ухудшению качества уже действующих вузов.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9737>

Частное высшее образование в Эфиопии: особенности развития и структуры

Вондвосэн Тамрат, Дэниел Леви

Вондвосэн Тамрат — доцент и президент-учредитель Университета Св. Марии, Эфиопия. E-mail: preswond@smuc.edu.et.

Дэниел Леви — заслуженный профессор отделения по изучению образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани, США. E-mail: dlevy@albany.edu.

Мы регулярно публикуем материалы, подготовленные сотрудниками PROPHE (Программы по изучению частного высшего образования).

Контекст

Сектор частного высшего образования в Эфиопии насчитывал в 2016 году более 110 000 студентов, что делает его или самым большим, или вторым по величине в Центральной и Западной Африке. Это стало возможным несмотря на то, что Эфиопия довольно поздно разрешила создавать частные вузы и что их деятельность регулируется очень строгим законодательством.

Практически в любой стране эксперты и общество часто склонны преувеличивать особенности своей образовательной системы, что отчасти связано с нехваткой знаний о других странах. Но внимательное изучение сектора частного высшего образования в Эфиопии неизбежно приводит к выводу о том, что он действительно кардинально отличается от других стран Центральной и Западной Африки. Сначала мы перечислим несколько немаловажных сходств, а затем подробнее поговорим о наиболее ярких различиях.

Хотя в абсолютных цифрах количество студентов частных вузов Эфиопии очень велико, в относительных величинах это составляет всего 14–17% студентов в стране, что довольно типично для рассматриваемого региона. В других африканских странах встречаются частные вузы, похожие на эфиопские. Подавляющее большинство из них можно отнести к неэлитным вузам, и среди них есть как созданные с целью удовлетворения спроса на высшее образование, так и более эффективные вузы, ориентированные на удовлетворение потребностей рынка труда. Существуют полуэлитные вузы и религиозные вузы. Немногочисленные полуэлитные вузы напрямую конкурируют с хорошими государственными университетами — например, в качестве преподавания и других факторов, поэтому неразбериха в секторе государственного высшего образования им на руку. Как и в других странах региона, частные вузы Эфиопии разрабатывают учебные программы, ориентируясь в первую очередь на рынок, хотя в последнее время началась диверсификация. В частных вузах женщин больше, чем в государственных. Частные вузы активно участвуют в жизни местных сообществ. Хотя численность абитуриентов частных вузов в последние годы стремительно росла и в Эфиопии, и в регионе в целом, количество студентов государственных вузов тоже постоянно увеличивалось, так что сейчас доля частных вузов даже немного сократилась.

Несмотря на перечисленные сходства, более примечательны отличительные характеристики эфиопской системы. Некоторые из них связаны с ее ростом и регулированием, другие — с внутренними особенностями.

Особенности развития и регулирования

Частное высшее образование стало развиваться в Африке относительно поздно и в условиях низкой доли населения с высшим образованием. В Эфиопии его история началась поздно даже по африканским меркам (в 1988 году), а всего высшее образование тогда получало лишь 0,8% населения. Такое позднее фор-

мирование сектора частного высшего образования связано с тем, что после свержения в 1974 году императора Хайле Селассие I в стране воцарился репрессивный марксистский режим, запрещавший любые формы частной собственности. А теперь сравниться с Эфиопией по доле студентов, обучающихся в частных вузах, может только Уганда. Тем временем Эритрея (отделившаяся от Эфиопии в 1991 году) остается одной из немногих стран в Африке и в мире в целом, где вообще нет частных вузов.

В отличие от большинства других стран региона, где высшее образование развивалось спонтанно, стремительно и неожиданно для властей, в Эфиопии это был спланированный процесс, которому благоприятствовало постмарксистское правительство страны. Прежде чем частные вузы начали появляться, было разработано соответствующее законодательство, которое поначалу было довольно либеральным (а не рестриктивным).

Хотя многие африканские страны характеризуются «отложенным регулированием» частного высшего образования, когда становятся очевидны его академические и прочие слабые стороны, и хотя они часто накладывают на частные вузы особые ограничения, не применимые к государственным вузам, Эфиопия пошла в части регулирования на крайние меры. Правительство без всяких правовых оснований блокирует реализацию в частных вузах программ по юриспруденции и педагогике. А после того, как частные вузы совершили прорыв в эфиопском дистанционном образовании, им на время было запрещено заниматься и этим. Хотя религиозные вузы в Африке обычно процветают, в Эфиопии выданные такими вузами дипломы не признаются за пределами соответствующих религиозных общин. Государство не признает такие дипломы, что имеет серьезные последствия на рынке труда, потому что для того, чтобы получить полноценное признание, конфессиональным вузам приходится делать свои образовательные программы светскими и проходить национальную процедуру аккредитации.

Особенности структуры

Неудивительно, что в Эфиопии доля подсектора конфессиональных частных вузов ощутимо ниже, чем в большинстве других стран континента. И неслучайно, что этот подсектор состоит преимущественно из неэлитных вузов. Большинство из них создавалось не с нуля, а на основе существовавших ранее учебных заведений более низкого уровня, в то время как во многих африканских странах конфессиональные вузы относятся к числу наиболее сильных. Во многих странах с колониальным прошлым была хорошо сформированная католическая или протестантская база для построения системы высшего образования, в то время как Эфиопия никогда не была ничьей колонией.

Зато, если уж конфессиональные вузы в Эфиопии на редкость маленькие, может быть, есть что-то на редкость большое? Да, есть, и это коммерческие частные вузы.

Хотя в абсолютных цифрах количество студентов частных вузов Эфиопии очень велико, в относительных величинах это составляет всего 14–17% студентов в стране, что довольно типично для рассматриваемого региона.

Их в частном секторе подавляющее большинство, и этим Эфиопия радикально отличается от большинства африканских стран. В некоторых странах Африки такие вузы запрещены, а некоторые формально некоммерческие вузы находят способы получать прибыль в обход законодательства. В тех странах, где коммерческие вузы запрещены, они существуют наравне с многочисленными некоммерческими частными вузами. Но в Эфиопии все по-другому. По большому счету, некоммерческих частных вузов в Эфиопии (помимо конфессиональных) очень мало, и принадлежат они неправительственным организациям. Подавляющее же большинство коммерческих вузов принадлежит частным корпорациям с ограниченным капиталом (часто являющимся семейными компаниями). Коммерческие учебные заведения разрешены на всех уровнях послешкольного образования.

Стабильность или перемены?

Таким образом, в условиях огромного спроса на высшее образование в Эфиопии сочетание рестриктивных законов и благоприятствующих развитию частного сектора правил привело к тому, что частные вузы стали играть важнейшую роль, которая, впрочем, имеет ряд ключевых ограничений. Как будет развиваться дальнейшая политика в отношении частного высшего образования с учетом того, что рост этого сектора продолжается и, скорее всего, только ускорится? Если, как говорят прогнозы, количество студентов, в том числе в частных вузах, в ближайшие пять лет удвоится, то правительственная стратегия в отношении частного высшего образования приобретет особенно большое значение. Частный сектор, приободренный, несмотря на все законодательные ограничения, своим успехом, уверен, что в будущем мог бы играть более масштабную роль и привлечь более высокую долю студентов в Эфиопии, если бы государственная политика была более стабильной и менее противоречивой. Впрочем, не все члены правительства разделяют эту точку зрения.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9791>

.....

Уганда: необходимость модернизации высшего образования

Мукуанасон А. Хьюха

Мукуанасон А. Хьюха — почетный профессор экономики, консультант компании Budembe Enterprises. E-mail: hyuhama@gmail.com.

Вплоть до начала 1990-х годов образовательная система Уганды, выстроенная по британской модели, была по качеству одной из лучших в Африке. Однако академическая и физическая инфраструктура пришла в заметный упадок. Сейчас сектор высшего образования Уганды, как и многих других африканских стран, испытывает серьезные проблемы, среди которых повсеместное недофинансирование, нехватка квалифицированных преподавателей, острая нехватка руководящих кадров, низкая оплата труда преподавателей, отсутствие инфраструктуры для подготовки исследователей, проблемы организации управления, низкая производительность труда ученых, дефицит стипендиальных фондов, гиперконтроль со стороны соответствующих государственных органов. Но основной проблемой является, конечно, недофинансирование.

Система высшего образования Уганды включает 36 университетов, 4 института, имеющих право присуждения образовательных степеней, и учебные заведения, выдающие разнообразные дипломы и сертификаты. В общей сложности во всех этих вузах учится более 200 000 студентов, и 45% из них — женщины. Студенты вузов составляют лишь 2% от общего числа учащихся в стране, включая учеников младших и средних школ. В целом доступ молодежи из бедных семей к высшему образованию очень затруднен. Большинство студентов вузов происходят из обеспеченных семей. Это отличает сектор высшего образования, поскольку благодаря реализации соответствующих специализированных программ, запущенных под эгидой Декларации тысячелетия ООН от 8 сентября 2000 года, начальное и среднее образование стало одинаково доступно как для богатых, так и для бедных. В вузах Уганды обучается много граждан Кении, Руанды, Сомали, Танзании, Южного Судана и других стран-соседей.

Спрос на высшее образование

Начиная с середины 1980-х годов сектор высшего образования Уганды стабильно расширялся за счет появления новых вузов, что было вызвано в первую очередь спросом. Наиболее распространены колледжи торговли и бизнеса (33%), университеты (16%) и технические колледжи (4%). Если вплоть до 1988 года в стране был всего один вуз, выдававший дипломы

о высшем образовании (УниверситетMakerere), то в настоящее время их насчитывается 41 (включая 11 государственных университетов).

Вообще, в Восточной Африке в целом и в Уганде в частности наблюдается высокий спрос на университетское образование. Он существенно превышает спрос на образование более низкого уровня и профессионально-техническое образование. Дело не только в потребностях населения, но и в активной маркетинговой деятельности самих университетов, а также реалиях рынка труда, который отдает предпочтение выпускникам с университетской степенью, а не просто с каким-нибудь сертификатом или дипломом. У студентов, изучающих естественные и технические науки, более высокие шансы быстро найти работу, чем у студентов других специальностей, да и выбор карьерных возможностей у них шире. Соответственно, большинство абитуриентов, родителей и политиков отдает предпочтение именно университетскому образованию. Предвзятое отношение к колледжам и профессионально-техническим вузам привело к заметной нехватке технических кадров среднего звена и квалифицированных рабочих, которых теперь приходится приглашать из-за рубежа. К 2016 году менее 10% образовательных программ в сфере здравоохранения и инженерного дела вели к выдаче диплома о профессионально-техническом образовании. Очевидно, что Уганда нуждается в срочном пересмотре текущей политики по этому вопросу, если она хочет иметь собственную квалифицированную рабочую силу, которая нужна для привлечения в страну инвестиций и ускорения ее экономического развития.

С начала 1990-х годов наблюдался прогресс с точки зрения доступности высшего образования для женщин, распространения и использования компьютеров и популярности естественнонаучного и технологического образования. Впрочем, прирост наблюдался главным образом по дисциплинам, так или иначе связанным с бизнесом или с компьютерами, а не с фундаментальными науками или математикой. Это можно объяснить отсутствием соответствующей инфраструктуры и недофинансированием на уровне средней школы, а также востребованностью определенных специальностей на рынке труда. Уровень и масштабы подготовки профессионально-техническими учебными заведениями специалистов среднего звена в последнее время, к сожалению, стабильно падает, что частично связано с их закрытием ради развития университетов. Такая политика — признак регресса, поскольку технические специалисты и квалифицированные рабочие необходимы при ведении строительных и эксплуатационных работ. Вместо этого появляется все больше вузов, которые учат торговле и ведению бизнеса, вместо естественнонаучных и инженерных колледжей.

72% вузов — частные, 28% — государственные, но при этом подавляющее большинство студентов государственных вузов учится за счет частных источников финансирования. Интересно, что частный сектор не только финансирует частные вузы, но и во многом поддерживает государственные. Таким образом, частный сектор играет жизненно важную роль в обеспечении работы сектора высшего образования Уганды.

Качество высшего образования до начала 1990-х годов

Как уже упоминалось, раньше образование всех уровней в Уганде было лучшим в Восточной Африке. Это достигалось за счет профессионализма преподавателей, высокой оснащенности, стабильного финансирования образовательных учреждений, хорошей работы вспомогательных служб и грамотной системы управления. Несмотря на политические пертурбации, связанные с государственным переворотом 1971 года, прошедшим под руководством Иди Амина, на протяжении почти двух десятилетий стране удавалось поддерживать качество образования на довольно высоком уровне. Тогда, в отличие от нынешнего времени, в Уганде практически не было коррупции, а дисциплина и мораль преподавателей и студентов были на очень высоком уровне. К сожалению, сейчас коррупция стала повсеместным явлением.

Как я уже писал, средние школы Уганды принимают много учащихся из соседних стран, которые переезжают в поисках качественного образования. Первые частные университеты начали появляться в 1988 году, а в 1992/1993 году государственные вузы стали зачислять абитуриентов на коммерческие места, в связи с чем начался приток иностранцев и в государственные вузы. Спрос рос также за счет цены на высшее образование, которая, как правило, ниже, чем в соседних странах.

После этого ситуация ухудшилась, главным образом из-за серьезного недофинансирования. В настоящее время ситуация во многих вузах характеризуется нехваткой средств, переполненными аудиториями, нехваткой (а также неопытностью и плохой подготовкой) преподавателей, отсутствием надлежащих учебных материалов, неэффективным управлением и другими подобными проблемами. По сути, университеты сейчас напоминают сосуды с «толстым дном»: особенно ярко наблюдается нехватка опытных сотрудников, в частности профессоров. Что касается науки, то о какой-либо исследовательской продуктивности можно говорить только в отношении УниверситетаMakerere, а остальные университеты занимаются преимущественно обучением и практически не ведут исследований. Ситуация с академическими стандартами, а также с обеспеченностью физической и образовательной инфраструктурой во многих вузах оставляет желать лучшего, равно как и в начальных и средних школах.

Путь вперед

Уганда нуждается в срочной модернизации высшего образования в условиях меняющихся потребностей и технологий. По большому счету, система высшего образования требует реорганизации и трансформирования вузов в соответствии с меняющимися запросами общества — только так в нее можно будет вдохнуть новую жизнь и снова сделать ее актуальной. Возрождение системы высшего образования должно привести к улучшению ее качественных и количественных показателей, укреплению существующих структур, восполнению имеющихся пробелов, выявлению и исправлению дефектов и, наконец, переходу на путь устойчивого дальнейшего развития.

Однако академическая и физическая инфраструктура пришла в заметный упадок. Сейчас сектор высшего образования Уганды, как и многих других африканских стран, испытывает серьезные проблемы.

Сектор высшего образования явно нуждается в «капитальном ремонте». Нужно также пересмотреть объем ежегодных бюджетных расходов на образование в целом и поднять их с нынешнего чрезмерно низкого уровня (менее 10%) до хотя бы 15%. Чтобы преодолеть комплексные проблемы, обрушившиеся на сектор высшего образования, необходимо увеличить финансирование, ввести более тщательный контроль и постепенно решать все остальные проблемы. Именно на это должна быть нацелена образовательная политика.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9787>

.....

Проблемы разработки нового рейтинга на примере Колумбии

Фелипе Монтес, Давид Фореро, Рикардо Салас, Роберто Сарама

Фелипе Монтес — постдок факультета промышленного проектирования Андского университета, Колумбия. E-mail: felmont@uniandes.edu.co.

Давид Фореро — преподаватель экономического факультета Национального университета Колумбии. E-mail: davidfforerot@gmail.com.

Рикардо Салас — сотрудник управления по контролю качества высшего образования Министерства образования Колумбии. E-mail: jssalas@gmail.com.

Роберто Сарама — профессор факультета промышленного проектирования Андского университета, Колумбия. E-mail: rzarama@uniandes.edu.co.

Население Колумбии составляет 48 млн человек, а в вузах учится 2,3 млн студентов (49% молодежи). На протяжении почти двух десятилетий правительство использовало систему добровольной аккредитации, для того чтобы информировать граждан о качестве организаций высшего образования. И хотя эта система стала признанным механизмом признания качества вузов, она дает недостаточно информации для принятия решений, потому что население знает лишь о том, получил тот или иной вуз аккредитацию или нет. Люди не знают о качестве вузов, о том, в какой мере они отвечают аккредитационным стандартам. Кроме того, аккредитацию прошло всего 14% вузов, остальные 86% решили не участвовать в этой процедуре. Таким образом, общество практически ничего не знает о качестве неаккредитованных вузов, которых в стране большинство. Поэтому основным признаваемым обществом источником стали международные рейтинги. Впрочем, даже самый обширный региональный рейтинг — рейтинг QS по Латинской Америке — включает всего 50 из 289 колумбийских вузов (то есть 17%).

Будучи сотрудниками и советниками Министерства образования Колумбии, мы разработали многомерный рейтинг: Модель показателей эффективности высшего образования (испанский акроним MIDE). Нашей задачей было представить информацию, которая позволит самостоятельно сравнивать государственные и частные вузы страны и принимать информированные решения, касающиеся высшего образования.

В этой статье мы опишем пять основных проблем, с которыми мы столкнулись в процессе разработки, реализации и обсуждений рейтинга MIDE, разработка которого стартовала в Министерстве образования 15 июля 2015 года. Мы также опишем методологию, которая была использована для решения этих трудностей.

На протяжении почти двух десятилетий правительство использовало систему добровольной аккредитации, для того чтобы информировать граждан о качестве организаций высшего образования.

Проблема 1: Источники информации и их надежность

Основное ограничение при составлении рейтингов вузов заключается в наличии и надежности необходимой информации. Мы построили MIDE исключительно на уже существующих и доступных публично данных; мы не использовали ни индикаторы, полученные на основе опросов, ни репутационные индикаторы из-за риска автореферентности и самовоспроизводимости таких данных. Хотя все необходимые источники информации в Колумбии открыты и бесплатны, простому человеку сложно их найти и тем более самостоятельно интерпретировать. Поэтому MIDE был спроектирован как простой механизм для распознавания и интерпретации имеющихся данных.

Мы использовали справочные системы, разработанные правительством еще в начале 2000-х годов для оценки деятельности вузов с точки зрения их качества и соответствия потребностям общества. Эти системы основываются главным образом на информации, предоставляемой самими вузами. Они описывают демографические и финансовые показатели; уровень отсева в контексте социально-экономических показателей; трудоустройство и заработную плату выпускников; показатели исследовательской работы; результаты студентов на стандартизированных национальных экзаменах.

Проблема 2: Разнообразие вузов

Одна из основных проблем при составлении MIDE заключалась в необходимости сравнивать очень разные вузы, используя одни и те же показатели. Для того чтобы разделить сложную систему высшего образования Колумбии на части, мы решили воспользоваться применяемой в США Классификацией учреждений высшего образования Карнеги. Мы разделили государственные и частные вузы на четыре группы (аспирантские, магистерские, бакалаврские, специализированные) в зависимости от количества выпускников или программ на каждом образовательном уровне и количества направлений обучения на бакалаврском уровне. Такой подход позволил составить не только общий рейтинг, но и отдельные рейтинги по подгруппам.

Проблема 3: Выбор переменных и индикаторов

При составлении MIDE мы использовали некоторые элементы различных мировых рейтингов, например основные принципы Шанхайского рейтинга, систему весов рейтинга QS и многомерный подход рейтинга U-Multirank. Рейтинг MIDE включает в себя 18 переменных, которые сгруппированы в шесть измерений по трем основным категориям: студенты, преподаватели, вузы. Мы используем как входные, так и выходные величины. Первые описывают имеющиеся у вузов ресурсы, а вторые — результаты образовательного процесса и успешность выпускников на рынке труда. Мы отбирали индикаторы таким образом, чтобы их улучшение отражалось в продвижении вуза в международных и национальных рейтингах.

MIDE отличается от других рейтингов тем, что использует объективные показатели оценки результатов обучения. Это возможно благодаря наличию в Колумбии единого государственного экзамена для выпускников вузов — SABER PRO. Этот экзамен проводится с 2003 года и оценивает компетенции выпускников по пяти направлениям: количественное мышление, аналитическое чтение, письмо, понимание английского языка, специализированные вопросы по дисциплинам.

Проблема 4: Методология составления рейтинга

Основная роль рейтингов — стать систематизированной организационной основой для группы переменных в единой балльной оценке. Для сортировки вузов мы разработали методологию, которую мы назвали «рейтингом рейтингов». Она технически обеспечивает одинаковый масштаб и распределение для всех переменных. Мы использовали ординальную позицию каждого вуза по каждому индикатору, а затем выводили среднее для всех позиций в виде итогового балла с учетом веса каждой переменной. Для этого каждой переменной был дан определенный вес. Хотя

мы рассматривали возможность позволить конечным пользователям самостоятельно определять веса и составлять собственные рейтинги, но для министерства было принципиально важно стимулировать улучшение определенных индикаторов. Поэтому мы зафиксировали вес каждой переменной в зависимости от точности и надежности источников информации, на которых основываются ее расчеты, и в соответствии с ее значимостью для высшего образования согласно Национальному плану развития.

Проблема 5: Обнародование

Обычно разработкой рейтингов занимается третья сторона. Хотя в нашем случае само Министерство образования разработало рассматриваемую модель с целью повышения качества вузов и помощи населению в процессе принятия решений, здесь кроется внутренняя проблема, так как именно министерство распределяет ресурсы между вузами и, соответственно, отчасти несет ответственность за их качество. Можно сказать, что в данном случае министерство выполняет одновременно и функцию судьи, и функцию члена коллегии присяжных. Тем не менее в результате анализа доступной информации родился полезный для общества инструмент, а вот для вузов этот процесс стал тревожным сигналом. Нам пришлось заверять академическое сообщество, что 1) этот рейтинг не будет использоваться для иных целей, помимо заявленных, например при распределении ресурсов или выработке аккредитационных стандартов; 2) используемые индикаторы действительно уравновешены и отражают всю многообразную систему высшего образования; 3) рейтинг составлялся на основе объективных и уже существующих показателей, чтобы сделать его прозрачным и, соответственно, воспроизводимым.

Перспективы

Несмотря на то что министерство столкнулось с различными проблемами в ходе разработки MIDE, после публикации этого рейтинга в июле 2015 года удалось выработать единый язык для обсуждения качества высшего образования, хотя он и был предметом дискуссий на протяжении нескольких месяцев. Конечно, требуется время, для того чтобы рейтинг заработал определенную репутацию, но он уже стал источником надежной и актуальной информации и для вузов (относительно того, что им нужно сделать для повышения качества), и для семей абитуриентов, которым необходимо сделать осознанный выбор. В 2016 году была выпущена обновленная версия рейтинга (MIDE 2.0), и вузы постепенно начинают принимать его и относиться к нему все более положительно.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9776>

Частное высшее образование в Бразилии как двигатель экономического роста

Жозе Жангие Безерра, Селсу Нискиер, Людмила Батурина

Жозе Жангие Безерра — президент Бразильской ассоциации специалистов по высшему образованию (ABMES) и образовательной группы компаний Ser (Бразилия). E-mail: janguie@sereducacional.com.

Селсу Нискиер — вице-президент ABMES, ректор Кариокского университетского центра (Бразилия). E-mail: cniskier@unicarioca.edu.br.

Людмила Батурина — консультант ABMES по международному сотрудничеству. E-mail: lioudmila@abmes.org.br.

Бразильский сектор частного высшего образования — один из самых больших в мире. Спрос на образование в этой стране настолько высок, что правительство продолжает поддерживать активное расширение сектора частного высшего образования. Традиционно в академическом сообществе принято рассуждать о частном образовании в контексте бизнеса, а не в контексте национальных интересов, особенно принимая во внимание то, что качество частного образования вызывает вопросы. С другой стороны, так как некоммерческие вузы тоже занимаются коммерческой деятельностью и зарабатывают на различных курсах и проектах, сложно однозначно сказать, какое образование считать коммерческим, а какое — некоммерческим. Результаты Бразильского теста для выпускников вузов (ENADE) показывают значительное различие между государственными и частными вузами, и хорошо мотивированные студенты коммерческих вузов показывают очень хорошие результаты. Частные вузы регулярно проходят серьезную проверку в рамках национальной программы. Большинство их преподавателей по совместительству работает в федеральных (т.е. государственных) университетах или университетах штатов, а студенты из малообеспеченных семей высоко мотивированы к учебе.

Сила, с которой нужно считаться

Начиная с 1996 года сектор частного высшего образования стабильно рос, и, как показывает самая свежая статистика, сегодня 87,5% (или 2069 из 2364) бразильских вузов — частные. Среди них есть и университеты, и университетские центры, и колледжи.

В Бразилии спрос на образование настолько высок, что правительство продолжает поддерживать активное расширение сектора частного высшего образования.

Они разбросаны по всей стране, так что у бразильцев есть возможность получить образование (окончить бакалавриат, магистратуру, аспирантуру) и таким образом изменить свою жизнь и жизнь своей семьи.

Национальная статистика подтверждает масштаб частного образовательного сектора: сегодня в частных вузах обучается более 6 млн человек, что превышает 75% от общего числа студентов всех университетов страны. В бразильской образовательной системе наблюдается интересный социальный феномен: если коротко, то он состоит в том, что выпускники дорогих частных школ легко проходят конкурс и поступают на немногочисленные бюджетные места в государственных университетах, а подростки из обычных государственных школ, которые показывают хорошие, но более скромные результаты на выпускных экзаменах, вынуждены искать гранты на оплату образования в частных вузах. По большому счету, это означает, что часто подвергаемый критике частный сектор несет ответственность за то, чтобы обучить этих студентов так, чтобы они смогли служить на благо своей страны.

Среди бразильских частных вузов есть и маленькие, и среднего размера, и большие. 36% студентов частного сектора учатся в 12 крупнейших образовательных группах. Но вне зависимости от размера жизнь частных вузов непростая: они должны поддерживать стандарты качества, привлекать лучших преподавателей, проявлять гибкость, проходить сложные аккредитационные проверки, подстраиваться под постоянно меняющееся законодательство, решать финансовые вопросы и т.д.

Бразильские частные вузы традиционно славятся социальными и гуманитарными науками; фундаментальная наука и специальности, обучение по которым требует наличия серьезной технической базы, остаются прерогативой государственных университетов, хотя разница эта постепенно начинает стираться. Среди широкого спектра предлагаемых частными вузами образовательных программ традиционно наиболее востребованы юриспруденция (14% студентов), управление (9%), гражданское строительство (6%), а также медицина, педагогика и HR. Частные вузы

выпускают квалифицированный персонал среднего звена, очень востребованный на бразильском рынке труда, и тем самым способствуют экономическому росту страны.

Кривая роста

Расширение высшего образования началось в Бразилии в 1996 году. До этого в вузы поступал лишь небольшой процент желающих, что не отвечало потребностям общества. Поворотным моментом стало открытие фонда, где молодежь могла взять кредит на учебу. Таким образом, развитие частного образования нельзя связывать с развитием частного бизнеса в целом, а нужно рассматривать как результат принятия Национального образовательного плана. В этом, по сути, и заключается основное отличие бразильского сектора частного высшего образования от европейского. В Бразилии частные вузы являются неотъемлемым элементом Национального образовательного плана и необходимым инструментом его реализации. Их развитие можно считать инновационным решением проблемы нехватки вузов и отсутствия социальных лифтов, реализованным совместно руководством страны и образованными бизнесменами.

Следующий скачок случился в 2002 году, когда появились технические курсы бакалаврского уровня. Эти курсы короче обычной программы бакалавриата и дают возможность получения высшего образования абитуриентам из бедных семей и экономически отстающих классов (социальных классов C и D в бразильской классификации), которые составляют более половины всех школьников Бразилии. Работодатели признали эти курсы как высшее образование, и они были также открыты и для взрослых абитуриентов, которые пришли учиться не сразу после школы, а после нескольких лет работы.

Следующий пик пришелся на 2005 год, когда был создан фонд ProUni. Фонд предлагает стипендии для студентов частных вузов, которые происходят из экономически неблагополучных семей. Стипендию от этого фонда стали получать студенты, совокупный семейный доход которых не превышает полутора минимальных размеров оплаты труда.

Пересмотр Фондом финансовой поддержки студентов (FIES) в 2010 году правил выдачи кредитов на обучение, когда была снижена процентная ставка и продлены сроки возврата кредита, привел к экспоненциальному росту числа первокурсников: с 76 000 в 2010 году до 732 000 в 2014 году.

Экономический и политический кризис 2015 года вынудил правительство Бразилии резко сократить количество выдаваемых FIES кредитов, так что большинство абитуриентов из социальных классов C и D опять потеряли возможность получить высшее образование. По данным Национального образовательного плана, сегодня высшее образование получают немногим более 17% молодежи в возрасте 18–24 лет,

а к 2024 году этот показатель по планам должен достичь 33%. В 1996–2014 годах благодаря кредитам FIES поставленная задача была реализована почти на 40%, но из-за кризиса 2015 года в 2016 году лишь 15% студентов обучалось на деньги фонда.

Это отклонение от целевых значений Национального образовательного плана вызывает жесткую реакцию со стороны Ассоциации частных университетов (ABMES), которая отстаивает законные интересы частных вузов и их студентов и всячески поддерживает принятый правительством план. Довод о том, что стипендиальный фонд якобы стал слишком тяжелым бременем для общества, не более чем клише: учащиеся частных вузов (а они составляют 87,5% бразильских студентов) обходятся стране дешевле, чем учащиеся государственных вузов, в то время как прямое влияние выпускников частных вузов на национальную экономику огромно. Для того чтобы достичь к 2024 году заявленных в Национальном образовательном плане целей, ABMES продолжает требовать от правительства поддерживать стипендиальные программы. В то же время, учитывая нынешний экономический кризис, ABMES сотрудничает с властями в поиске альтернативных механизмов финансирования — например, через принятие нового законодательства, которое позволит выйти на этот рынок частным банкам. Сектор частного высшего образования напрямую ощущает на себе последствия экономического кризиса и является лучшим и самым активным партнером правительства в поиске способов повышения доступности высшего образования и поддержки экономического роста.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9933>

Регионализация высшего образования в Восточной Азии

Эдвард Чой

Эдвард Чой — аспирант Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: edward.choi.2@bc.edu

Основными драйверами развития сотрудничества в области высшего образования в Восточно-Азиатском регионе являются три глобальные prominent-организации: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организация министров образования стран Юго-Восточной Азии (SEAMEO) и недавно соз-

данная трехсторонняя межправительственная группа, в которой представлены Китай, Япония и Южная Корея. У этих организаций есть общее стремление создать единое пространство высшего образования в Восточной Азии и некоторый опыт совместной работы в этом направлении, однако в связи с тем, что они ориентированы на удовлетворение потребностей разных целевых групп, работают в разных традициях и временных горизонтах, они используют совершенно разные подходы к решению этой задачи. В результате эта работа в регионе носит фрагментарный характер. В связи с этим возникает ряд вопросов. Зачем Восточной Азии несколько стратегий регионализации? Являются ли какие-то стратегии более предпочтительными для стран — членов нескольких региональных организаций? Если да, стоит ли ожидать каких-либо негативных последствий для восточноазиатского пространства высшего образования от реализации одновременно всех стратегий или, наоборот, от реализации только некоторых из них?

В результате такого подхода регионализация высшего образования Восточной Азии носит фрагментарный характер.

АСЕАН и Сеть университетов АСЕАН

Изначально (примерно в 1967–1989 годах) АСЕАН развивала сотрудничество на основе принципов политической стабильности и безопасности. Государства — основатели этой ассоциации (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины) были объединены стремлением сдержать распространение коммунизма за пределы Индокитая, а также желанием помогать формированию национальных государств в регионе, особенно после успеха национально-освободительных движений. Но события 1990-х годов, в частности азиатский финансовый кризис 1997 года, послужили толчком к идеологическим изменениям, поскольку регион охватила волна политических дебатов об экономической интеграции. Финансовый кризис показал необходимость поиска экономических решений в сотрудничестве не только стран — членов АСЕАН, но и с затронутыми кризисом соседними Китаем, Кореей и Японией для предотвращения повторения таких ситуаций в будущем. Так появилась группа стран «АСЕАН плюс 3».

В ходе эволюции АСЕАН (от объединения стран Юго-Восточной Азии, до «АСЕАН плюс 3», а затем и «АСЕАН плюс 6», куда вошли Австралия, Индия

и Новая Зеландия) постепенно разворачивался диалог вокруг развития взаимодействия в области высшего образования. Он начался еще в 1970-х годах на первых двух заседаниях Комитета по образованию АСЕАН, где обсуждался потенциал выпускников вузов как основной ресурс экономического развития региона. Тогда же прозвучали убедительные аргументы в пользу формирования международной системы, обеспечивающей подготовку высококвалифицированных и мотивированных специалистов. Результатом этих рассуждений стала Сеть университетов АСЕАН (AUN) — организация субрегионального уровня, которая с помощью собственной Службы контроля качества (AUN-QA) и Системы трансфера кредитов (ACTS) осуществляет обмен преподавателями, исследователями, административными сотрудниками и студентами между 30 вузами-членами.

SEAMEO и Единое пространство высшего образования Юго-Восточной Азии

Если Сеть университетов АСЕАН работает на субрегиональном уровне, то Региональный институт высшего образования и развития (RIHED), действующий в рамках SEAMEO, ставит перед собой более масштабную задачу создания Единого пространства высшего образования Юго-Восточной Азии (SEA-HEA). Эта задача реализуется благодаря трем уже идущим процессам регионализации: пилотному проекту по развитию мобильности между Малайзией, Индонезией и Таиландом (M-I-T) и двум региональным механизмам гармонизации сотрудничества в сфере высшего образования — Сеть по контролю качества АСЕАН (AQAN) и Система трансфера кредитов Юго-Восточной Азии (SEA-CTS). Благодаря наличию Азиатско-Тихоокеанской системы университетской мобильности и трансфера кредитов (UCTS) в ходе первого, пилотного периода проекта M-I-T (2010–2014) в программах мобильности приняло участие 1130 студентов бакалавриата из 23 университетов. Проект M-I-T преобразовался в Программу АСЕАН по международной студенческой мобильности (AIMS) и планирует расширяться на еще четыре страны: Бруней, Вьетнам, Японию и Филиппины. В отличие от проекта M-I-T, результаты внедрения AQAN и SEA-CTS пока сложно измерить, но, вероятно, роль этих механизмов станет более заметной по мере развертывания AIMS.

CAMPUS Asia

Самая новая инициатива по развитию сотрудничества в Восточно-Азиатском регионе — это трехсторонняя программа студенческой мобильности CAMPUS Asia (Collective Action for Mobility Program of University Students in Asia). Программа стартовала в 2012 году в качестве пилотного проекта при совместном управлении Китая, Кореи и Японии. Программа обеспечивает условия для мобильности студентов бакалавриата и магистратуры через пе-

резачет кредитов и реализацию программ двойных и совместных дипломов и нацелена на формирование пула квалифицированных азиатских экспертов через создание платформы для обмена ресурсами и знаниями. Предполагается, что эти эксперты станут лицом конкурентоспособной и наукоемкой экономики Северо-Восточной Азии. У этой программы, пожалуй, есть еще и вторая задача — смягчение характерной для Китая и Кореи проблемы утечки мозгов (то есть потери интеллектуального капитала за счет того, что молодежь предпочитает работать и учиться в Европе или Северной Америке) и одновременное стимулирование международного спроса на местные вузы в свете сокращения населения в Кореи и Японии.

Парадокс регионализации в Восточной Азии

По отдельности каждая из описанных выше программ регионализации обладает большим потенциалом к положительным изменениям в пределах соответствующих географических рамок: улучшение межкультурного взаимопонимания, трансфер знаний, развитие рынка труда, поддержание стабильности и мира в регионе. Однако их совокупность создает фрагментарный характер регионализации высшего образования — иногда из-за взаимоисключающих, а иногда из-за дублирующих межрегиональных и внутрирегиональных политических и экономических взаимосвязей. Такая несоординированность рано или поздно приведет к геополитической напряженности, поскольку региональные сети наверняка станут участвовать в политических маневрах и других процессах, и это станет особенно актуально по мере расширения текущих программ за счет вовлечения соседних стран, уже взявших на себя другие обязательства.

К примеру, тройка Китай — Корея — Япония планирует пригласить в программу CAMPUS Asia другие страны, входящие в АСЕАН и/или SEAMEO, в то время как АСЕАН и SEAMEO хотят расширить свою Сеть университетов AUN и AIMS соответственно в северо-восточном направлении, то есть в сторону Китая, Кореи и Японии. Когда у страны появляется перспектива войти в новое региональное партнерство, то, входя в несколько объединений одновременно, она, вероятно, предпочтет вкладывать средства в наиболее выгодные (с точки зрения престижа, политического значения или ресурсов) и/или в наиболее реалистичные программы. Пример тому — укрепление объединения «АСЕАН плюс 1» (то есть АСЕАН плюс Япония), которое, возможно, будет идти в ущерб «АСЕАН плюс 3». В случае других региональных сетей может начаться борьба за «распределяемые тонким слоем» ресурсы, т.к. их страны-члены одновременно поддерживают кадрами и ресурсами сразу несколько инициатив в одной сфере. Подводя итог, можно предположить, что приоритизация направлений деятельности может ослабить процесс укрепления сотрудничества в регионе и затормозить реализацию программ регионализации

с пересекающимися членами, в результате чего формирование единого восточноазиатского пространства высшего образования может оказаться под угрозой.

Еще одна неизбежная проблема, которая стоит перед региональными организациями Восточной Азии, — это необходимость увязать между собой культуры, языки, образовательные стандарты различных стран, а также национальные нормы и законы, в особенности в сфере визовой политики и академического календаря. Системы AQAN, UCTS, и ACTS смогли сгладить наиболее заметные несостыковки и способствовали запуску студенческой мобильности среди элитных вузов региона, входящих в Сеть университетов АСЕАН и участвовавших в пилотных проектах по развитию международной мобильности. Однако назрела необходимость разработки гармонизирующих механизмов для более широкого охвата, которые помогли бы уравнять положительный эффект от регионализации для всей Восточной Азии. В связи с этим Региональный институт высшего образования и развития SEAMEO и Азиатский банк развития начали разрабатывать инструмент, известный как единая Система перевода и накопления академических кредитов (ACTFA), которая ориентирована на весь регион. Однако встает вопрос о том, примут ли многочисленные региональные сети эту систему, особенно с учетом тенденции к развитию программ мобильности и перезачета кредитов субрегионального уровня. Так, в CAMPUS Asia, похоже, разрабатывают собственную систему перезачета кредитов и собственную систему контроля качества, а у Сети университетов АСЕАН они уже есть.

Учитывая текущее положение дел, сейчас как раз хороший момент, чтобы сделать упор на укрепление сотрудничества между различными региональными сетями, существующими в Восточной Азии. Важная задача — смягчить геополитическую напряженность, которая характерна для регионализации Восточной Азии, и разработать эффективные пути обмена знаниями и ресурсами между различными сетями с целью уравнять положительный эффект от регионализации в области высшего образования во всех странах Восточной Азии. Пожалуй, именно таким образом регионализация Восточной Азии сдвинется в сторону создания единого регионального пространства высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9805>

Китай: мировой лидер по низкому уровню отсева в вузах

Юлиан Мариулас

Юлиан Мариулас — аспирант отделения восточноазиатских исследований Венского университета (Австрия), преподаватель немецкого в Школе иностранных языков Восточно-Китайского политехнического университета. E-mail: julian@marioulas.de.

В апреле 2013 года китайский еженедельник «Экономический обозреватель» поставил перед читателями простой вопрос: «Не слишком ли легко учиться в китайских вузах?». Этот вопрос актуален во многих странах, но ответ «Экономического обозревателя» относительно собственной страны — громкое и однозначное «да». Уровень отсева в китайских колледжах один из самых низких в мире: по статистике Министерства образования, учебу завершают более 99% поступивших. В тех редких случаях, когда вузы решают применить дисциплинарные меры в отношении отстающих, это вызывает гневный протест со стороны «пострадавших» студентов и их семей. И хотя система высшего образования Восточной Азии в целом характеризуется высокими требованиями к абитуриентам и низким уровнем отсева, все же в Южной Корее и Японии примерно 10% поступивших не получают диплом, что сильно отличается от ситуации в Китае, где отчисление из вуза можно назвать чем-то немыслимым.

Цифры

В поисках данных для этой статьи я использовал серию докладов о качестве бакалаврского образования, издаваемых вузами материкового Китая, и составил список из 187 университетов, по каждому из которых есть сведения о проценте учащихся, успешно завершающих четырехгодичное обучение, и количестве выданных бакалаврских дипломов. Список получился многообразным: он охватил двенадцать провинций, где живет как сельское, так и городское население; в него вошли вузы разного размера и характеристик. В среднем, по данным на 2013 год, успешно оканчивали обучение 97,3% студентов четырехгодичных образовательных программ. Самое низкое значение этого показателя составляло 84%, а в пяти вузах обучение завершили 100% поступивших. Однако доля выпускников, получивших в том же 2013 году диплом бакалавра, составила 96%. Дело в том, что обычно для получения сертификата об окончании обучения достаточно получить удовлетворительную оценку по всем обязательным курсам и набрать определенное

количество кредитов, а для получения диплома бакалавра требуется также, чтобы средний балл за время обучения был не ниже определенной отметки.

Эти показатели практически не зависят от качества вуза и его места в рейтингах: даже для передовых китайских университетов, участвующих в Проекте 211 и предъявляющих очень высокие (по сравнению с провинциальными вузами) требования к абитуриентам, они лишь наполовину стандартного отклонения ниже средних по стране. А вот географический фактор, похоже, имеет некоторое значение: так, в провинции Хэбэй (где многие колледжи получили в последние годы статус университетов) средний процент доучившихся достиг 98,8%, а в Шанхае он составляет всего 95,9%. В ряде университетов действуют факультеты, управляемые совместно с иностранными вузами-партнерами, и учиться там труднее: завершить программу удается чуть более 90% студентов.

Как достигаются подобные результаты

В статье для китайского журнала Time Education два преподавателя Технического университета Цзянсу (провинциального вуза, куда относительно несложно поступить) упомянули меры, помогающие повысить долю студентов, своевременно завершающих обучение: снизить сложность экзаменов и разрешить пересдачи (в том числе в последующих семестрах или даже незадолго до ожидаемой даты выпуска). Другой ответ состоит в том, что преподаватели в целом не слишком компетентны и к тому же не хотят брать на себя дополнительную нагрузку, если студенты не сдают экзамены. Это отрицательно сказывается на студентах, обучающихся в относительно слабых вузах. Во время занятий многие из них играют в телефоне, читают книжки или просто спят. И хотя внеклассная работа в принципе сводится к изучению материалов, напрямую необходимых для успешной сдачи экзаменов, что происходит непосредственно перед или во время сессии, многие студенты не делают даже этого, потому что они знают, что им ничего не будет, даже если провалить сразу несколько экзаменов. Эти проблемы поднимают и авторы недавнего и пока единственного исследования об уровне отсева среди китайских студентов. Цзыфэн Ли и его коллеги по Яньшаньскому университету (провинция Хэбэй) пишут, что в большинстве университетов уровень отсева стремится к нулю, что студентов никак не наказывают за списывание, а преподаватели просто не хотят неприятностей и потому ставят всем «зачет». Авторы сравнивают китайские университеты с западными: на Западе система обучения более гибкая, но при этом требования к студентам гораздо выше, так что они, по мнению авторов, опережают китайских выпускников по уровню образования.

В 2013 году в ежедневной «Рабочей газете» вышла статья об одном университете провинции Хайнань, преподаватели которого получили разрядку не отчислять студентов из бакалавриата вне зависимости от того, как они сдали экзамены. Такое же «правило»

применялось и к магистрантам при условии, что их диссертации успешно проходили автоматизированную проверку на плагиат. Руководство вуза решило таким образом сохранить положительный имидж вуза и обеспечить себе финансирование на будущие годы, а также предотвратить расформирование факультетов с плохими показателями. В подобных условиях можно предположить, что преподаватели встретили решение руководства благосклонно.

Некоторые размышления

В результате расширения системы вузов в Китае высшее образование стало доступно рекордному числу людей, от чего общество в целом только выиграло. Благодаря тому, что центральное правительство стало выделять дополнительные бюджетные средства, удалось повысить качество и международную узнаваемость вузов материкового Китая. Тем не менее я утверждаю, что ситуация, при которой практически все студенты гарантированно получают диплом, сдерживает дальнейшее развитие системы.

На данный момент элитные китайские университеты зачисляли абитуриентов по результатам гаокао (единого национального вступительного экзамена) и собственных вступительных экзаменов. С одной стороны, такой смешанный подход обеспечивает вузам некоторую гибкость, поскольку они не обязаны полагаться в оценках абитуриентов лишь на один показатель, с другой — он способствует развитию коррупции. Самый нашумевший случай последних лет — это случай Цай Жуншэна. Он возглавлял приемную комиссию Народного университета Китая на протяжении восьми лет и за это время набрал взятку более чем на 23 млн юаней (около 3,4 млн долларов США). По данным ежедневной газеты «Утренний Пекин», взятка за поступление в престижный университет может составлять 1 млн юаней (150 тыс. долларов США). Вступительные экзамены, которые организуют вузы, стали отличным способом поступить в престижное учебное заведение для неспособных, но имеющих блат абитуриентов, а дальше для того, чтобы получить диплом, практически никаких усилий уже не требуется. В подобных условиях вероятность внедрения системы оценки и отсева неуспевающих студентов представляется довольно низкой.

Впрочем, в случае с Народным университетом после скандала с Цай Жуншэном доля абитуриентов, принимаемых по результатам собственных вступительных экзаменов, была существенно снижена. Как показывают данные приемной комиссии, в 2016 году по результатам вступительных экзаменов было зачислено лишь 192 абитуриента (всего было набрано 2797 первокурсников), что значительно ниже, чем в 2012 году, когда таких первокурсников было 550 (почти 20% от общего числа).

Учитывая то, что хорошо подготовленных абитуриентов чрезвычайно много, вполне можно было бы предположить, что престижным университетам не нужно

принимать каких-то особенных мер для снижения уровня отсева. Однако подобное предположение было бы допустимо при прозрачной и некоррупцированной системе отбора абитуриентов.

Если говорить о провинциальных университетах и институтах, то я полагаю, что им стоило бы ввести более строгие требования к студентам для выдачи дипломов. Сейчас наблюдается тенденция к увеличению числа образовательных программ и количества студентов, при том что вузы по-прежнему стремятся удерживать низкий уровень отсева вне зависимости от того, как студенты учатся. Если бы провинциальные вузы сделали упор на качество выпускников, а не на их количество, это бы повысило ценность дипломов и способствовало бы снижению иерархичности, которой характеризуется китайская система высшего образования.

Стоит отметить, что некоторые молодые вузы стремятся порвать со сложившейся де-факто традицией: к ним относятся, например, Шанхайский технический университет и Южный научно-технологический университет. Впрочем, только будущее покажет, будут ли их показатели выпуска отличаться от подавляющего большинства других вузов страны или нет.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9746>

Политика и университеты в постреволюционном Иране

Саид Голкар

Саид Голкар — преподаватель программы ближневосточных и североафриканских исследований Северо-Западного университета (Эванстон, США). E-mail: saeid.golkar@northwestern.edu.

Развитие высшего образования в Иране после революции 1979 года можно разделить на три этапа. Первый — революционный (1979–1987), на который пришлась первая волна исламизации, начало «культурной революции» и ирано-иракская война (1980–1988). Второй — период восстановления и политического развития (1989–2004). В это время правительство освободило университеты от идеологического давления и позволило им определенную независимость. А третий этап (2005–2012) — реакционный период, этап повторной исламизации и рецентрализации университетов.

Высшее образование в эпоху революции и войны

После падения династии Пехлеви иранские университеты получили автономию, но политическая роль, которую они сыграли во время революции, заставила новое правительство быстро взять вузы под свой контроль. Сразу после революции были приняты законы, направленные на регулирование и «очистку» университетов с целью освободить их от любых следов режима Пехлеви.

В период культурной революции университеты потеряли свою автономность. Все они были закрыты на три года, вплоть до 1982 года, для «зачистки» политической и религиозной оппозиции. Курированием и управлением проектом исламизации страны занималась штаб-квартира культурной революции, которая сформулировала два этапа исламизации университетов. Первый — внедрение происламских учебных планов и избавление от какого бы то ни было влияния с Запада или Востока. На втором этапе предполагалось разобраться с физическим устройством новых исламизированных университетов, которые должны были стать полностью соответствующими принципам и критериям ислама. Специально созданные организации, например Верховный совет культурной революции (ВСКР), были призваны управлять проектом исламизации университетов и распространять его влияние на всю страну.

Эпоха реформ (1989–2004)

Технократическое правительство под руководством Хашеми Рафсанджани, пришедшее к власти после ирано-иракской войны, воспринимало университеты главным образом как источник подготовки госслужащих. Администрация Рафсанджани делала упор на «тахасос» (технические и специальные знания), а не на «таахход» (идеологическую верность), хотя в период после первой культурной революции было наоборот. Прагматизм Рафсанджани привел к значительному расширению иранской системы высшего образования. В этот период в разных регионах страны появилось большое число частных университетов. Численность студентов в государственных университетах возросла с 407 693 в 1988 году до 1 192 329 в 1996 году. Эта тенденция продолжилась и во времена правления реформатора Хатами (1997–2004), когда уровень автономности университетов повысился, а политическая обстановка в них стала более расслабленной. Правительство Хатами пыталось переструктурировать национальную систему высшего образования и сделать ее более независимой. В 2000 году Министерство культуры и высшего образования было заменено на Министерство науки, исследований и технологий, то есть приоритет был отдан науке вместо образования. На следующий год университеты получили больше автономии в разработке учебной программы и учебных планов. А в 2002 году им разрешили

самостоятельно нанимать преподавателей (раньше кандидатов предлагало государство). Наконец, университетам было разрешено проводить выборы руководителей, включая деканов и ректоров.

Как и во времена Рафсанджани, при Хатами количество студентов стремительно росло: с 1 404 880 в 2000 году до 2 117 471 в 2004 году. Стабильно увеличивалась и доля обучающихся женщин. Реформаторы при поддержке студенческого сообщества позволили вернуть в университеты политические дискуссии и поощряли студенческую политическую активность, что приводило в негодование консерваторов. Рост политической свободы привел студентов к демократическим стремлениям бросить вызов отсутствию выборности и студенческим беспорядкам 1999 и 2003 годов, которые были жестоко подавлены полицией и сторонниками режима.

Попытки правительства провести реформы встретили сопротивление со стороны высшего руководителя страны и консервативного крыла, которые пытались их заблокировать, подавить студенческие движения и продолжить исламизацию высшего образования. В 1997 году ВСКР, члены которого назначаются высшим руководителем и являются в большинстве своем консерваторами, поддержал создание нового Совета по исламизации образовательных институтов (СИОИ). В декабре 1998 года СИОИ принял ряд нормативных документов, включая доктрину, которая называется «Принципы исламских университетов». Согласно этой доктрине исламизация университетов должна идти по шести каналам: преподаватели, студенты, учебные планы, культурные мероприятия, образовательное планирование и институциональное управление. Все то, что Хатами отвергал, было одобрено пришедшим ему на смену реакционным правительством.

Реакционный период (2005–2012)

Авторитарный популист, Ахмадинежад продолжил расширение системы высшего образования, при этом взяв университеты под свой политический контроль. К 2013 году численность студентов в Иране достигла 4 миллионов. В то же время вузы снова лишились даже относительной автономности, подверглись повторной централизации и перешли под значительно усиленный политический контроль правительства. Министерство науки, исследований и технологий, которое тоже находилось в руках реакционеров, внедрило все предложения СИОИ по дальнейшей исламизации университетов.

Рецентрализация высшего образования происходила на всех уровнях. На административном уровне ректоры стали назначаться министерством, а не выбираться коллегиально. На место многих выдающихся ученых правительство Ахмадинежада поставило фундаменталистов, горячо поддерживавших исламизацию университетов. Министерство отменило внутренние

правила управления, просуществовавшие к тому моменту уже 18 лет, и обязало ректоров назначать своими заместителями и деканами факультетов людей, способных претворять в жизнь идею исламизации. Была агрессивно введена гендерная сегрегация; вузы обязали создать структуры по охране морали, а также мечети и мусульманские духовные семинарии (медресе). В 2007 году правительство лишило университеты автономии в вопросах кадровой политики, чтобы наполнить вузы лоялистами, поддерживающими идеологию режима. При Ахмадинежаде процесс зачисления в вузы тоже стал централизованным, а прием в аспирантуру перешел под контроль Министерства науки, исследований и технологий. Это помогло государству лишить потенциально политически активную молодежь возможности продолжать образование, а лояльные режиму студенты, наоборот, смогли поступить в аспирантуру. Университеты также лишились возможности самостоятельно разрабатывать учебную программу. Для «устранения ошибок» в университетских учебниках был создан Комитет по продвижению учебников по гуманитарным наукам. Многие наблюдатели назвали это «второй культурной революцией», которая снизила качество высшего образования в Иране.

Заключение

Контроль над университетами и их исламизация с самого начала были одними из основных задач исламской республики. Эта задача решалась во время двух культурных революций: в 1980-х и в 2000-х годах. Проводившаяся в эти периоды политика привела к массовой утечке мозгов и подорвала качество высшего образования в стране, особенно в сфере социальных и гуманитарных наук. Однако, несмотря на все предпринятые усилия, государству не удалось создать исламский университет. Рост количества вузов и студентов, развитие информационных технологий, фрагментация и частичная деидеологизация политических элит стали основными причинами провала проекта создания исламского университета.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.90.9930>

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

90

Лето
2017

